

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

А. М. РОМАНОВ

КРИВЫЕ ТРОПЫ

А.М. РОМАШОВ

КРИВЫЕ ТРОПЫ

РАССКАЗЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1969

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Андрей Лесной	3
Запятая	23
Кривые тропы	31
„Адвокат“	53

Ромашов Александр Михайлович
«КРИВЫЕ ТРОПЫ»

Редактор *В. М. Чакул*
Художник *Е. С. Скрынников*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *Н. Л. Щедрина*
Корректоры *О. А. Литвиненко* и *И. Н. Тарасова*

Сдано в набор 27/III 1962 г. Подписано к печати 6/VI 1962 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 2,0; условн. печ. л. 3,28; учетно-изд. л. 3,25. Тираж 70 000. Цена 7 коп. А-00996. Заказ № 281.

Госюриздат — Москва, Б—64, ул. Чкалова, 38 — 40.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

АНДРЕЙ ЛЕСНОЙ

1

193... год. В общежитии лесорубов все говорило о предстоящем торжестве: из комнаты в комнату что-то переносили, звенела посуда, сдвигали тоичаны в угол, расставляли табуретки вокруг длинного составного стола, кто-то пробовал заводить патефон. Гулко, басисто раздавались голоса парней, слышался залиvistый девичий смех.

Но вот все готово, нет только виновников торжества. Сыплют-ся шутки:

— Уж не заломал ли их в тайге медведь?..

— Нет, сельсовет закрыт, все ушли на... печь!

— Братцы, кто-то зайца уже съел. Еще час, и молодоженам ничего не останется!

Скрипнула дверь, в избу ворвались клубы пара, и счастливые лица вошедших заставили всех умолкнуть. Но тишина длилась лишь секунду. Откуда-то сверху посыпались хмель и пшеница. Грянуло «ура», и все смешалось в радостном гомоне и суматохе. С девушки стягивали шубу, развязывали пуховую шаль. Подружки обступили ее тесным кольцом: кто поправлял платье, кто сбившиеся локоны волос... А через несколько минут уже слышалось традиционное «горько!»

Это была свадьба Сони и Вадима, веселая, радостная свадьба.

Но отшумело веселье, и снова вернулись будни. Соня, как и раньше, убегала утром на лесозаготовительный участок, где работала учетчицей, а Вадим шел в свою бригаду.

Ребята выделили им угол в общей комнате, отгородили их «обитель» занавесками, отдали все лучшее из мебели. По вечерам вся шумная ватага ребят и девчат жалась к их уголку, всем хотелось погреться у семейного тепла. И так повелось: все, что волновало молодых, волновало всех.

Как-то Соня должна была пробыть на участке допоздна — не успела принять работу одной бригады, а сообщить об этом Вадиму не смогла. И все ребята, усталые, не успевшие согреться после таежной стужи, отправились искать ее по участкам. А потом задали такого «трепака» запоздавшему с работой бригадиру, что тот долго обходил стороной их общежитие.

Или еще. Обнаружили, что валенки у Сони износились, на пятке зияет дыра. Дружно, все вместе разыскали чьи-то старые, разрезали их и заботливо подшили сонины. И все это как бы мимоходом, без лишних слов, как в большой дружной семье. Хорошо среди таких сердечных ребят: все кажется простым, понятным, радостным. Правда, подчас того не хватает, другого, с жильем неважно. Но все равно хорошо жить на свете. И Соня улыбалась. Улыбалась почти всегда. И люди светлели от ее улыбки.

Однажды, когда Соня бежала домой, торопилась прийти раньше Вадима, протопить печь, другие дела по дому сделать, вдруг перед ее глазами поплыли белые круги. Она пошатнулась, опустилась в сугроб. «Что это со мной? Почему так вдруг нехорошо?» Но уже через несколько минут она встала — все прошло.

Такое же состояние повторилось и через несколько дней. Соня обратилась к врачу.

Домой шла не спеша, пряча радостные глаза от людей, кругом посматривала с лукавинкой и какой-то гордостью. Теперь ее не пугали эти приступы дурноты. «Сказать или не сказать Вадиму? Пожалуй, подожду, а то будет слишком оберегать, да и работу, наверное, требует переменить. Нечего, скажет, версты по холоду мерять, переходи в управление, в контору...»

И жизнь шла своим чередом. Вечерами все сбивалось в их угол, шутили, пели протяжные русские песни. А то вдруг врывалась гармошка, и от пляса содрогались стены. Были и споры, да какие! О Маяковском и Белин-

ском, о Марсе и обитателях океанских глубин, о любви и дружбе, смирении и борьбе. Мечтали о будущем, строили белые города, реки прудили плотинами. И споры эти очищали людей от повседневной шелухи, иногда засыпавшей человека, становилось светлее на душе, надежды окрыляли.

А тут еще своя большая радость. Соня несколько раз порывалась сказать об «этом» Вадиму, но все не хотелось расставаться со своим затаенным...

* *

И вот она мать. Кругом сияющие счастьем лица, говор, присущий только женщинам, которые стали матерями, пусть некоторые и не в первый раз, но все повторяется до мелочей. «Уж открыл глазки... голубые, конечно, как у Кузьмы... Плохо ест... А моя, моя вчера уже улыбнулась... У меня четвертый и опять мальчик, а мы так хотели девочку, дочку... Рост просто поразительный — 56 сантиметров...» И так весь день. Разговорами, кажущимся такими серьезными, важными, нет конца.

— Мамаши! — громким голосом возвестила тетьа Саша, самый строгий ревнитель чистоты. — Приготовьтесь к встрече со своими красавцами и красавицами... Слышите, как они трубят?.. Требуют подкрепления!

Все заулыбались, засуетились, с ожиданием глядя на двери палаты.

— Едут, едут наши «узелки»!

В большой открытой коляске в палату ввезли пять малышей, так запеленутых, что издали они действительно были похожи на «узелки».

Соня забеспокоилась. Как их тут не перепутают? Нет, нет! Она своего выберет сама. Она так хорошо запомнила личико сына, когда его, чистенького и завернутого, поднесли к ней показать.

После четырех часов приходили папы. Они маячили за окнами, выделявая руками какие-то замысловатые движения, пытаясь что-то сказать, передать. А лица! Эти сплюснутые носы на оконных стеклах, негаснущие улыбки, озорные глаза...

Однако самым торжественным моментом все считали появление тети Саши с нагруженной доверху корзиной.

Но корзина мало кого интересовала. А вот когда тетя Саша раздавала письма!.. Тут наступала такая сосредоточенная тишина, что, казалось, слышно было биение сердец: радостное, тревожное, взволнованное.

Ответы писались обстоятельные, с раздумьем, по нескольку раз перечитывались. Не хватало бумаги. Писали на обертках, на внутренней стороне коробок из-под конфет. Карандаши разламывали на несколько частей.

— Тетя Саша! Тетя Саша! Я сейчас, сейчас. В прошлый раз я ничего не написала про ванночку...

— Скорей! Там еще ждут.

«Ах, так это еще не ото всех принесли свертки и письма, — пронеслось в голове у Сони. — Может быть, Вадим тоже пришел?»

И теперь возвращение тети Саши казалось самым нужным, самым главным. «Ну, конечно, он немного опоздал, ведь так далеко ехать. Он пришел. Обязательно пришел».

Но Вадим не пришел ни сегодня, ни на следующий день...

* * *

Даже сын теперь не скрашивал омраченных часов ожидания. Хотелось заслониться от навязчивых мыслей оправданием: «Занят он, да и ехать далеко. Может, успели на другой участок, не на чем приехать...» Хотелось так думать, но она знала, что это неправда.

Никогда не забудет она тот день, который раньше представлялся ей праздником радости, ликования, а вышло...

— Вадим, я тебе что-то хочу сказать... давно. Иди сюда, дай руку. Ты знаешь... — Она перешла на шепот. — У нас будет маленький.

И ожидание ответа застыло в ее глазах. «Сейчас, вот сейчас он это осмыслит и, наверное, закричит, загочет, как иногда бывало, когда он радовался, поднимет ее на руки...» Прошла минута, другая. Вадим молчал. Лицо его как-то потемнело. А Соня продолжала еще улыбаться, но в глазах уже промелькнула тревога.

— Когда? — услышала она голос Вадима, строгий и глухой.

— Месяца через четыре...

— Так чего же ты молчала?

— Но почему ты сердишься?

— Сердишься... А ты подумала о том, что нас ждет?

Что это? Она ослышалась? Зачем он так? А она-то думала, что это счастье.

— Нет, ты подумала, что нас ждет? — повторил Вадим. — Ни кола, ни двора... И молчит... Обрадовала... Где мы жить будем? Ты думаешь, они, — он указал на занавеску, — тоже будут рады? Кому нужен писк да пеленки... Выселят они нас отсюда, тогда куда?

«Что он говорит? Да разве ребята так сделают? Разве он их не знает?» — про себя протестовала Соня.

— Да и много ли мы зарабатываем? Еще сами пожить не успели, ничего не видели...

«Не то, все не то. И зарабатываем достаточно... У самого деньги и раньше были, все откладывал, копил...» — думала Соня.

— Дура! Не могла раньше сказать. Все можно было бы уладить... Ну вот что. Ты нюни не распускай. Да и ребятам не смей об этом говорить, а то живо выставят нас отсюда. А я что-нибудь придумаю.

Прошло несколько дней. Вадим с работы приходил поздно и сразу ложился спать.

Соня все хотела поговорить с ним, доказать, что он неправ, что зря боится трудностей. Но Вадим уклонялся от разговора: «Отстань ты с этим».

И вдруг он сам начал разговор, да так ласково, умиротворенно.

— Слушай, ведь тебе сейчас не легко, а здесь смотри какие условия. Отдохнуть и то как следует не можешь. Дрова, печка, ведра с водой. Да и работа. Не надо бы тебе ходить столько, а участок все дальше и дальше. Так и до беды недолго.

«Наконец-то он все понял», — подумала Соня и с облегчением вздохнула.

— Знаешь, увольняйся-ка с работы. А я тебя перевезу в район. Скажи, что к матери едешь, заболела она... Скорей отпустят. В районе и врачи, и больница... Полегче тебе будет. Обо мне не беспокойся, сам управлюсь... А я там уже с одной женщиной договорился, она пустит тебя на квартиру. Буду приезжать. Хорошо?

«Хорошо, хорошо! Конечно, он все правильно придумал!»

И через пять дней Соня переехала в районный центр.

...«Не надо было от товарищей скрывать, — думалось теперь Соне. — Нехорошо получилось... А сейчас я вот лежу одна, никто даже не навестит...» Соне захотелось плакать, так было горько на душе.

Соседки ее по палате иногда шептались, показывая на кровать Сони. На своей тумбочке она находила то пирог с черемухой, то ежевичное варенье. И от этого ей становилось еще горше. «У всех это иначе, а у меня как-то не так. Вон у других как мужья радуются, какую заботу проявляют, а Вадим...»

Неужели он другой? Не тот, о ком она мечтала и каким казался ей раньше? Были, конечно, всякие мелочи... Стал скрывать свой заработок от нее. Никогда не говорил о своих родителях, не помогал им, не ездил к ним сам и ее не звал... Скрытен был с товарищами, никогда ни за кого не вступался. После собраний и споров как-то зло высмеивал неполадки... Мелочи ли это? Что-то иногда ей не нравилось в нем, но никогда она не обобщала всего этого, не задумывалась, плохой или хороший человек Вадим?

И, как льдинка, коснулась сердца боль...

— Солодова, у вас утром опять температура поднялась. В чем дело, а? — Врач Вера Васильевна присела на край совиной кровати. — Что-нибудь болит? Как будто бы не должно. Перед обедом зайдите ко мне в кабинет.

Она вышла.

— Что случилось, милая моя? — ласково спросила Соню Вера Васильевна, когда та пришла к ней. — Отчего же у вас температура? Сын здоровый, крепкий, развивается нормально. Что вас тревожит?

— Ничего... Все хорошо.

— Где ваш муж работает? Я позвоню...

— Нет, нет! Он... уехал и придет нес скоро, — заторопилась Соня, — звонить не надо...

Прошло еще два дня. Скоро выписка, а Вадима все нет.

... — Солодова, к вам пришли.

Тетя Саша подала Соне конверт. Забыв поблагодарить, она распечатала письмо, но от волнения не разбирала строк. «Сообщи... когда... выйдешь». И ни слова

о сыне. «Ничего, ничего, все же думает, пришел, заботится. Я снова не одинока». Соня наскоро написала ответ.

И вот Вера Васильевна назвала ее день. День, когда она с сыном выйдет отсюда и унесет его в большую жизнь.

В этот день тетя Саша была особенно торжественной, как-то по-новому повязала белую косынку, и даже походка ее изменилась. Она остановилась в дверях.

— Солодова! Вы готовы? За вами прибыли!

И Соне захотелось ее обнять и расцеловать.

В маленькой комнатке Соню ждал Вадим, а вот вынесли «узелок», ее мальчика, и передали мужу. Соня от радости не видела, как поморщился Вадим.

* * *

«Встать! Суд идет». От этих слов что-то сжалось внутри, сковало все мышцы.

«Сейчас начнется самое страшное, что мне предстоит», — мелькнуло в голове у Сони.

Да, это она и Вадим сегодня на скамье подсудимых. Они сидят низко опустив головы, боясь посмотреть туда, в зал, где столько людей и среди них товарищи, от глаз которых так хотелось бы скрыться. В зале стояла напряженная тишина. То один, то другой из присутствующих приподнимались и рассматривали их обоих.

«Скорей бы уж все кончилось», — подумалось Соне, хотя судья, светловолосый мужчина с сумрачным лицом, только еще предложил девушке-секретарю сообщить о явке вызванных в суд лиц.

— Подсудимая, встаньте, — вдруг услышала она. — Ваша фамилия, имя, отчество, год рождения...

Как трудно произнести даже эти простые слова, даже назвать свое имя!..

...— Солодова, понятно ли вам, в чем вас обвиняют? Признаете ли вы себя виновной?

«Виновной? Нет, нет, я не хочу этого слова», — проносится в голове у Сони.

— Да, — тихо выговаривает она и опускается на скамью. И где-то далеко-далеко слышит голос Вадима:

— Нет, я не признаю себя виновным!

Она видела, как судья о чем-то поговорил с двумя женщинами, сидевшими по обе стороны от него, а потом услышала:

— Начнем с допроса свидетелей.

В зал вошла женщина средних лет, повязанная платком. Она подошла к столу, за которым сидели судьи, затем обернулась к Соне и внимательно, но строго поглядела на нее.

— Расскажите, что вам известно по делу.

— Мне? По делу? Так ничего мне по делу не известно. Я только могу рассказать, как я ребеночка в лесу нашла...

— Вот и расскажите поподробней, как это было.

— Ну, значит, ходила я в соседнее село, в ларек, соли там, спичек, сахару купить. Это в конце зимы было, морозы-то уже не так лютовали, поэтому я и пошла пешком, а то на машине мы туда ездим али на лошади. Прошла поле, иду лесом, и вдруг мне почудилось, будто где-то котенок мяучит. Откуда, думаю, ему тут быть? Остановилась, прислушалась, слышу — опять будто. Огляделась кругом, ничего не вижу. Сошла потом с дороги-то, опять стала слушать и пошла по снегу на этот голосок. И, батюшки-светы, вижу за бугорком что-то завернутое в шаль, ну, какие мы все тут носим. Подошла поближе. Опять голосок этот послышался, но вроде бы младенца. Подняла я этот сверточек-то, приоткрыла — и впрямь дитя. Только синенький весь, ротик еле открывает. Совсем малой еще. Испугалась я. Не то кричать, не то звать кого. Да кто услышит? И стою в сугробе, как вкопанная. А оно, дитя-то, опять голосок подает. Спихватилась я тут, сняла с себя душегрейку, завернула его и почти бегом побежала в село, в сельсовет. А там позвали доктора, стали искать, куда бы дитя пока определить. Больно мал он был, да и плох. Ну, нашлась одна женщина, которая еще своего кормила, и взяла она к себе дитя до выяснения. Вот и все. А потом я узнала...

— Вы пока садитесь, — мягко прервал ее судья.

Женщина опять строго посмотрела в сторону Сони и прошла в зал.

— Пригласите свидетеля Соколова.

Высокий мужчина в кожанке, галифе и сапогах прошел к столу.

— Вы председатель сельсовета?.. Расскажите суду обо всем, что связано с ребенком, которого принесла к вам в сельсовет гражданка Забелина.

Соколов говорил медленно, поминутно поворачиваясь в зал. Он как будто искал у публики подтверждения своим словам.

— Послал я за врачом, позвонил в прокуратуру. Врач пришла первой. Осмотрела ребенка. У него ручки и ножки были обморожены. Мальчик это был, новорожденный, а на ручке клееночка привязана с номерком. Ну, женщины заплакали, а одна вызвалась его покормить и взять до того, пока ребенка куда-нибудь определят. Врач распорядилась, чтобы медсестра заходила к этой женщине и следила за здоровьем ребенка. А вскоре и следователь приехал. Стали искать, чей бы это мог быть ребенок. Ну и нашли.

— Достаточно, садитесь.

Следующей в зал вошла тетя Саша из родильного дома. Соня замерла и опустила глаза. Она не могла смотреть на эту простую, строгую женщину, так любовно и душевно ухаживавшую за ними. Вспомнились и корзина, и записочки. Что-то сжало горло Соне, почему-то вдруг стало холодно. Она зябко поежилась и еще ниже опустила голову.

Тетя Саша степенно подошла к столу и начала свой рассказ — простой, немудреный, но глубоко западающий в душу. «Слушайте, как она, простая русская женщина, судит другую женщину, которая растоптала святое имя «мать», — как бы хотела она сказать всем присутствующим.

Соня так разволновалась, что слышала лишь некоторые слова и фразы.

— Мы все силы отдаем, помогаем матерям растить детей... Сколько помощи государство им оказывает! И больницы, и ясли, и сады... Я как услышала... Да разве это мать?.. А мальчик наш... У нас родился... Вот у нее, у этой мамы...

Она и здесь назвала женщину так же как там, на работе. Но при последнем слове вдруг спохватилась, замолчала, а в зале послышались выкрики:

— Не называйте ее так!

— Недостойна она!

Соне захотелось исчезнуть, раствориться, не слышать этих слов, не видеть осуждающих глаз. А тетя Саша продолжала:

— По номерочку-то мы сразу, как следователь позвонил, определили, чей ребенок...

Потом вызывали еще свидетелей, и те что-то говорили, показывая в сторону Сони, но она уже почти ничего не слышала.

Судья попросил Сою посмотреть, ее ли шаль лежит на столе.

— Да, это моя шаль, — прошептала она. — Я вернула в нее сына, чтобы ему не было холодно...

Не успела она закончить фразу, как в зале снова поднялся такой шум, что голос председательствующего был едва слышен.

— Тише, граждане, тише! Не нарушайте порядка!

Но зал еще долго не утихал. Судья что-то сказал секретарю, та вышла и вернулась вместе с женщиной, одетой в белый халат. На руках у нее был ребенок.

— Подсудимая, подойдите сюда и посмотрите, ваш ли это сын?

Соня нетвердой походкой подошла к женщине, та открыла личико ребенка.

— Да, это мой...

«Сын» хотела она сказать, но теперь уже и сама не могла, не имела права произнести это слово.

Женщина сообщила суду, что мальчик находится в «Доме ребенка», здоров, развивается нормально.

— Подсудимая, расскажите, как все произошло.

Соня почему-то вдруг успокоилась, сосредоточилась и постаралась воспроизвести все, как было, ничего не утаивая. Она сама давала суровую оценку себе и Вадиму, не пыталась никого разжалобить, сознавая всю глубину своей вины.

...— Муж велел мне не говорить товарищам, что у нас будет ребенок, и я стала вести себя так, чтобы они сами ни о чем не догадались. А потом он уговорил меня уволиться с работы, будто для того, чтобы поехать к большой матери. Я так и сделала, и теперь очень жалею, что обманула своих товарищей...

Что же было дальше?

— Потом он перевез меня в райцентр и поселил у од-

ной женщины. Вроде ласков со мной был, говорил, что так лучше, ближе к врачам... Я поверила ему, думала, что он беспокоится за меня... Удивлялась только, что он никогда не говорил со мной о ребенке после того раза. А если я заговаривала — отмалчивался...

Она остановилась, задумалась.

— Расскажите, что было после того, как вы и ваш муж с ребенком вышли из больницы, — попросил судья.

— Он приехал за мной и сыном на лошади. Правил сам. Я еще спросила, почему не на машине, ведь ехать больше тридцати километров. Но Вадим сказал, что ему машины не дали...

— Врал! Не просил он машину! — выкрикнул кто-то из зала.

— Тише, граждане, мы и об этом спросим. Продолжайте, подсудимая.

— Отъехали несколько километров от поселка. Смотрю на Вадима, а он какой-то странный. Молчит и все глаза от меня прячет. Мне даже не по себе стало. Думаю, уж не случилось ли с ним что. Спросила, а он опять молчит. Вдруг остановил лошадь и грубо так меня из саней выталкивает. «Что ты, что ты! — закричала я. — Что с тобой?» И страшно мне стало, такие у него глаза были. «Выбирай, — кричит, — или он, или я. Мне он не нужен. Я тебе это и раньше говорил». Подскочил ко мне, отнял ребенка, сбежал с дороги — и в лес. Дальше я уже ничего не помню, слабая еще была. А когда очнулась, лошадь неслась вскачь, а он ее все подхлестывал. Я кричать хотела, но голос не слушался. Обессилела совсем, даже плакать не могла. Перед нашим поселком Вадим обернулся ко мне и сказал: «Молчи, не смей заикаться никому». Так мы одни и приехали. Вышли из больницы втроем, а домой пришли вдвоем. А я... Я как окаменела в горе и никому ничего не рассказывала. Не знаю, может быть, и не выдержала бы долго, но нас вскоре арестовали... Виновата я, виновата! Не отбила у него сына, а потом промолчала...

— Врет она все! Наговаривает на меня!.. — выкрикнул Вадим, но его остановили.

Соня низко опустила голову. По лицу ее потекли крупные слезы.

— Но ведь вы, кажется, дружно жили с мужем и знали его хорошо. Как же вдруг так? — спросил судья.

— Двойственный он человек. На людях один, дома другой. Я за ним знала много нехорошего, да как-то во всем оправдывала, мирилась. Очень он жадный до денег был, все их откладывал, хотел побольше накопить. А зачем?.. Иногда выпивал, но один, без товарищей, и все про какие-то отцовские дома в Томске рассказывал. Но не верила я, думала — спьяна. И верно, наутро он всегда предупреждал: «Молчи, наболтал я лишнего». Еще к нему какие-то люди приезжали, но ночевать не оставались. Забегут в дом, пошепчутся и уходят. Я спрашивала, кто они, но он только сердился и говорил: «По работе». А я знала всех наших — это были чужие.

— Врет, врёт она все! — опять выкрикнул Вадим.

Долго еще суд разбирал все детали этого дела. И все ярче вырисовывалось лицо Вадима Солодова — стяжателя, в прошлом купеческого сынка, который, боясь, что ребенок помешает осуществлению его корыстных планов, решил избавиться от него...

Оставалось решить судьбу мальчика.

Снова перед судом работница «Дома ребенка».

— Как вы зарегистрировали мальчика, под каким именем? — спросил судья.

— Еще до поступления мальчика к нам люди назвали его Андрей Лесной. Мы так и записали.

Судья несколько мгновений находился в нерешительности: как тут быть?

И вдруг в зале раздались возгласы:

— Правильно назвали!

— Пусть ребенок не носит имени этих злодеев!

Председательствующий навел порядок, посовещался с заседателями и огласил определение суда: мальчик по имени Андрей Лесной остается на воспитании в «Доме ребенка».

Судья знал, что это отступление от буквы закона, но было бы несправедливым назвать ребенка именем тех, кто хотел лишить его жизни.

А Соня? Соня все искала момента, чтобы излить все свои муки и просить о милости — разрешить ей самой воспитывать мальчика.

— Верните мне сына! — выкрикивает она. — Я его выращу, он простит меня, хоть я и виновата...

«Нет, нет, нет, не давать!» — проносится по залу многоголосый шум...

А спустя некоторое время Соне предложили встать, и она услышала:

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...

2

Равномерно стучат колеса, позвякивают стаканы на столике, мелькают за окном вагона телеграфные столбы. Я снова в пути. Через несколько часов город, куда я еду в командировку с новым поручением.

В купе нас было трое. Но вот на полустанке вошел четвертый, и его появление оживило однообразие пути. Он шумно поздоровался, забросил рюкзак на полку, сел и закурил.

Внешность его была приятной: хорошее, открытое лицо, серые глаза, русые волосы; от него так и веяло силой и крепким здоровьем.

Оглядев мою форменную одежду, он признался, что не очень разбирается в знаках различия, и спросил, кто я. Мы познакомились, разговорились.

Узнав, что я еду до Н-ска, он как-то стих, и глаза его потемнели. Помолчав, он сказал:

— Это, кажется, моя родина.

— Почему «кажется»?

— Хм... мало я знаю о своем детстве. Но родился в тех краях. Сирота. Не знаю, кто мой отец и мать. Мое детдомовское дело во время войны где-то потерялось. Но воспитатели говорили, что из Н-ска я. Все хочу заняться этим, да времени не хватает.

Он помолчал.

— Вот вы следователь. Занялись бы? А? — Он звонко рассмеялся. — Я шучу. Не до этого вам.

Но я заинтересовался.

— А вы не смейтесь и расскажите побольше о себе. Сейчас-то чем занимаетесь?

— Геолог я. Вот экспедицию свою догоняю. Возил образцы в лабораторию.

— Когда институт закончили?

— Да всего лишь два года назад, — снова заулыбался он. — Специалист из меня пока еще зеленый...

Я прикинул: значит ему лет двадцать пять или немногим меньше.

— Люблю по тайге бродить, — говорил он, — кочевать с места на место. Столько нового! А результаты поисков? Ведь это настоящий праздник, когда лаборатория говорит: да, не ошиблись, нашли то, что искали. Тут вот, километрах в трехстах, комбинат строится. Это по результатам работы нашей поисковой группы...

Он долго с увлечением рассказывал о деле, которое полюбил и которому отдавался целиком. И это вызвало радость за человека. Побольше бы таких. Дела у нас шли бы еще лучше.

Но я вспомнил о начале нашей беседы и возобновил разговор о его детстве. Захотелось помочь ему избавиться от горечи «родства не помнящего». Я сказал ему об этом и попросил вспомнить все, что он знал о себе, своем детстве, включая мелочи.

— Помню, жил в детском доме, — задумчиво говорил он, — в каком-то небольшом городке. Мне лет семь было. Там же и в первом классе учился. Школа наша рядом с водокачкой была, я это запомнил, потому что мы с ребятами по винтовой лестнице все бегали. А когда война началась, наш детдом перевели в Н-ск. Тут я семь классов закончил и ремесленное. Номер школы не запомнил, но найти ее мог бы, хотя уже давно уехал из Н-ска. Ну, а ремесленное помню — шестьдесят четвертое. Туда я уже прибыл без «личного дела». При расформировании детского дома мои бумаги ошибочно куда-то заслали, а искать их никто не стал. Сам я тогда не придавал этому значения, а зря. Жалею теперь, но ничего не поделаешь.

— А вы кого-нибудь из учителей, воспитателей помните?

— В первом классе нас учила Анфиса Николаевна... Фамилию забыл... Да зря все это, — он махнул рукой. — Вы извините меня, пожалуйста, но я не верю, что вам это интересно. Сойдете в Н-ске и забудете. Да и есть ли у вас время заниматься такими мелочами!

— Нет, нет, что вы! Ничего себе «мелочь»! Узнать, кто ты, чей, где твои родители — разве это мелочь? Может, и живы ваши отец и мать.

— Извините... Так. Значит, Анфиса Николаевна. А воспитательницей в детдоме была... — Он устремил глаза вверх. — Матрена... Матрена Саввишна. Это когда я уже в школу ходил. А раньше — не помню.

— Но и это уже не мало, — ободрил я его. — Продолжайте, продолжайте.

— Вот кого я хорошо помню. В детском доме у нас был истопник, он же дворник. Как его зовут — забыл. Ходил он на самодельном деревянном протезе. И мы, ребята, как только он покажется, били в ладоши и подпевали: «Скрипи, скрипи, нога, скрипи, липовая!» Но он добродушный был. Кинется за нами, а потом того, кого поймает, погладит по голове и скажет: «Эх, вы, несмышленьши». Многие из нас не могли выговорить этого слова и говорили: «Немышоныши». Мы его так самого и прозвали — «Немышоныш». А когда нас перевезли в Н-ск, то в новом детдоме воспитателей было много, и я плохо их запомнил.

Он задумался. Я не нарушал молчания. Во мне уже заговорила профессиональная привычка: мысль отмечала и выделяла из рассказа все то, что помогло бы зацепиться за ту ниточку, с помощью которой можно было бы попытаться распутать этот клубок человеческой тайны — тайны его рождения.

— А где находилась школа, в которой вы учились в Н-ске? Что вам запомнилось?

— Напротив школы был кинотеатр, мы частенько «зайцами» туда пробирались...

— Трамвай по улице ходили?

— Трамвай?.. Нет, не ходили... Да, вот еще что! Вокзал был близко, от него к школе надо идти направо, по узкой улочке, мимо какого-то завода.

— Ну, а учителя? Вы их не помните?

— Нет, в этой школе я учился с пятого класса, там уже был не один педагог, а несколько. Да и они часто менялись. Время-то военное было. Вот разве Кузьма...

— Кто-кто?

— Кузьма. Он у нас уроки по труду вел. Учил нас столярному делу. Сам где-то плотничал. На уроки в школу иногда приходил подвыпивший. Детдомовских он жалел. Жил во дворе школы в небольшом деревянном домике и часто зазывал нас к себе, давал немного хлеба, картошки.

Глаза рассказчика затуманились, потемнели.

Но для меня, уже твердо решившего попытаться помочь этому человеку, детали имели очень большое значение. Я знал — это вехи к раскрытию тайны.

— Говорите. Скоро Н-ск, и чем больше вы успеете мне рассказать, тем лучше. Говорите. Здесь все важно.

— Да я уж рассказал вам все, что знал и помнил...

В Н-ске сосед пошел проводить меня к выходу из вагона.

— Ну что ж, Андрей Владимирович, я попробую. Если что узнаю — сообщу. Как вас найти, знаю.

Мы крепко пожали друг другу руки. С надеждой посмотрел мне вслед Андрей. Андрей Лесной.

* * *

Я «заболел» этим делом и хотя знал, что другое, очень срочное и важное, тоже ждет своего решения, все же твердо решил попытаться раскрыть и это.

В Н-ск я приезжал и раньше. Он был во многом похож на другие сибирские города: дома в основном двухэтажные, улицы неширокие. Но теперь его не узнать: заново построены целые кварталы больших многоэтажных домов, разбиты новые скверы, бульвары. На улицах сталолюдно, и народ всегда торопится почти так же, как в Москве. Да, ритм большой стройки, стройки по всей стране, пришел и сюда. Невольно думается: «Люди хотят сделать как можно больше, шире почувствовать жизнь».

От вокзала я попробовал пойти вправо и отыскать ту улочку, о которой говорил мой попутчик. Куда там! Ничего и похожего нет.

От вокзальной площади стрелами расходятся три широкие улицы.

И я понял, как трудно в этом, почти заново перестроенном городе, отыскать школу, детский дом и училище, о которых говорил Андрей Лесной.

Я рассказал товарищам по работе о встрече в поезде, о хорошем человеке, который хочет и должен знать все о себе. И тут же нашлись люди, вызвавшие помочь мне в поисках.

А дня через два в мой кабинет, побряхтывая, вошел старичок.

— Вы меня искали? Старостин я. Кузьма Федорович Старостин.

Я еще никого не вызывал по своему основному делу и поэтому очень удивился.

— Кто вас послал сюда, дедушка?

— Да участковый наш. Иди, говорит, в прокуратуру, ищи там, кто из Москвы. Расскажи все про школу, в которой в войну работал. Ну, я и пришел.

«Вот удача! Так это Кузьма! Учитель по труду Андрея Лесного. Значит не зря рассказал я товарищам об этой истории».

— Расскажите, дедушка, расскажите все о школе, а главное о ребятах, которые жили в детском доме и учились у вас.

— Так кто ж их всех упомнит, пострелят этих. Баловники были, — зашамкал он беззубым ртом.

— Кузьма Федорович, а вы не помните, из какого детского дома были ребята, где этот дом находился?

— Найду, найду. Я ить их навещал, как заболели али провинятся. Картошек им носил.

— А вы меня не проводите туда?

— Отчего ж не проводить? Можно и проводить. Сбирайтесь, коли.

И вот мы на том месте, где был детский дом. Был. Но сейчас его нет. Здание снесли.

Кузьма, видимо, не понял, зачем он понадобился, и, считая, что он сделал не все, чего от него ждали, говорил:

— Сделайте милость! Я готов. Готов хоть куда, если что надо.

Вот он, простой русский человек. Позови его, попроси помочь людям, и он действительно готов для этого сделать все. Пусть он стар и немощен, много перестрадал и пережил, но если почувствует, что он нужен, то вот он, распоряжайтесь им.

Я с благодарностью пожал руку Кузьме Федоровичу и сказал, что если он еще понадобится, я к нему сам приду.

Следы детского дома мы, конечно, разыскали, но это не облегчило поиски. Документов на Андрея Лесного не сохранилось. И не нашлось никого из воспитателей, кто бы мог подсказать, откуда прибыли дети.

Поиски пошли по другому пути. Как рассказал Андрей, его первой учительницей была Анфиса Николаевна.

В областном отделе народного образования, куда мы обратились, сотрудники перерыли многие десятки

личных дел учителей. Но задача была не из легких. Ведь фамилии учительницы я не знал.

Но, как говорится, «терпенье и труд — все перетрут». Нашли! В Вознесенском районе, действительно, в то время в школе работала в начальных классах учительница Анфиса Николаевна.

На другой день мы с моим добровольным помощником — начинающим следователем Колей Сизовым были уже в Вознесенске. Теперь здесь три школы. Которая из них? Решили искать водокачку, о которой упоминал Андрей. Нашли. Но школы там не было. Обратились к ребятам.

— Была возле водокачки школа раньше, давно. Теперь там какая-то контора. А у нас школы новые!

— Скажите, ребята, Анфиса Николаевна в вашей школе случайно не работает?

— Работает! Она наш завуч.

Дальше пошло легче. Еще и еще поездки. Люди охотно, с душой отзывались на любую нашу просьбу помочь отыскать следы прошлого для человека, потерявшего эти следы не по своей вине. Разыскали мы и бывшую воспитательницу детдома Матрену Саввишну и истопника «Немышоныша».

И вот, наконец, перед нами тетя Саша, та самая тетя Саша, строгая, но душевная, требовательная к себе и другим, через руки которой прошло столько юных граждан. Седенькие волосы выбиваются из-под ее чистой белой косынки.

— Горькая была история, — рассказывала она ровным голосом, степенно сложив руки под грудью. — Осудили их обоих. Правильно осудили. Но мать жалко мне было. Молода еще, не знала, не понимала, видно, многого. А когда поняла — поздно было. А мальчик вырос. Хороший такой был, здоровенький. Я его часто навещала. Все-таки сирота, хоть и при живых родителях...

От нее я и узнал о том уголовном деле, о котором мне предстояло теперь рассказать Андрею. О деле, по которому сурово осудили его родителей за то, что они бросили зимой, в лесу, беспомощного маленького человека, желая от него избавиться...

У меня были минуты сомнений. Могу ли, вправе ли я внести смятение в душу человека, который ничего не знал о преступлении родителей? Не лучше ли умолчать

об этой страшной правде? Ведь стоит только сказать, что поиски его родителей не имели успеха, и он никогда не узнает этой правды, которая, конечно, причинит ему боль.

Нет-нет! Любая правда лучше неизвестности и лучше всякой лжи, пусть даже имеющей какое-то оправдание. И я решил рассказать Андрею обо всем, что узнал о его родителях. Пусть теперь он вершит суд над прошлым.

* * *

Андрей, не отрываясь, листает уголовное дело, жадно вчитываясь в каждую строчку. Никто ему сейчас не нужен. Он весь там, в прошлом. Он познает тайну своего появления на свет, тайну начала своей жизни. Я тихо выхожу из комнаты.

Прошел час, другой. Из-за неплотно прикрытой двери слышен только шелест страниц.

Надо войти. Надо помочь человеку.

Андрей сидел над делом, подперев голову руками. На странице расплылись несколько пятен, но когда я вошел, глаза Андрея были сухи. Он порывисто встал.

— Спасибо. Я прочитал.

И вышел.

Шли дни. Андрей не появлялся. Не знаю, прочитал ли он все, что есть в деле, до конца. Или, потрясенный приговором, он не перевернул больше ни страницы? А ведь там самое главное. Листки, подшитые к делу позднее, о многом должны были ему сказать. Это письма матери с просьбой помочь разыскать сына.

«Где он, где мой сын? Помогите его разыскать... Я уже не молода. Но все, что осталось мне прожить, я хотела бы отдать сыну. Помогите... Я ездила по указанному Вами адресу, но о сыне там ничего не знают... Я ищу его пятый год... Если что узнаете, сообщите мне по адресу: г. Винница...»

Десяток писем от матери и ни одного от отца.

Андрей все не появлялся. Каков же его приговор, что сказало его сердце? Я не знал.

Пребывание мое в Н-ске подходило к концу. Я готовился к отъезду. На вокзале былолюдно, особенно у касс. Впереди себя в очереди я увидел знакомую широкоплечую фигуру. Андрей!?

Уезжает, так и не повидавшись со мной. Я понимал, конечно, его состояние, но, откровенно говоря, было немножко обидно. Мне просто по-человечески хотелось узнать: что же он решил?

— Один до Винницы, — услышал я голос Андрея у кассы.

Значит, он все прочитал и едет к ней сам. Но назовет ли он ее матерью? Какой приговор вынесет его сердце?

ЗАПЯТАЯ

В 11 часов в министерство, как обычно, принесли почту.

— Что за наваждение! Опять анонимка и опять на Яниса Карловича, — возмущенно сказала сотрудница канцелярии, разбиравшая корреспонденцию. — Когда это кончится? Ведь почти каждую неделю по клеузе, и все без подписи. Какая гадость!

Ей казалось, что листок, который она держала в руках, был липким и грязным. Все сидевшие в комнате повернули к ней головы.

— Да, но в этих письмах многое правильно, — заметила молоденькая девушка-референт. — Недаром Яниса Карловича вызывали «наверх» и прорабатывали.

Тут все вдруг заговорили одновременно.

— Откуда тебе это известно?

— Что значит — многое правильно?

— Глупости говоришь!

— Зря языком не болтай!

— А я не болтаю. У меня там подружка стенографисткой работает. Она мне рассказывала, как ему досталось.

— Досталось, досталось... Чепуха все это. Наш Янис Карлович работает и будет работать, а взысканий у него нет.

— Нет, так будут.

Подобные разговоры в канцелярии одного из министерств прибалтийской республики можно было слышать часто. А письма без подписи все шли и шли.

И не только сюда, но и во многие партийные, советские организации, в Москву, в редакции местных и центральных газет. За письмами последовали комиссии,

наезды корреспондентов. Они вызывали людей, расспрашивали, что-то записывали. А по городу уже шли толки, вернее кривотолки, слухи, перешептывания.

Имя Яниса Карловича было знакомо не только жителям столицы, но и всей республики. И вдруг: «Как это он все скрыл? А еще старый коммунист, участник революции. Как он опустил, разложил, как всех обманул, пролез...»

Конечно, больше всех страдал от анонимок сам Янис Карлович. Он, человек, проживший долгую, честную жизнь, вдруг стал объектом грязной клеветы. И, пожалуй, самое страшное в этом потоке грязи было то, что в письмах каждый факт излагался почти правдиво. Почти. Но оценка и выводы делались такие, что сам Янис Карлович мог бы считать себя чуть ли не последним негодяем. Он уже устал опровергать эти письма, отвечать на вопросы, писать объяснения. Он потерял покой и сон от упорного, методичного преследования.

Ему по-прежнему верили руководители министерства, но кое-кто начал сомневаться. Янис Карлович стал замечать, что некоторые из сослуживцев его сторонятся. Клевета коснулась и семьи Яниса Карловича. Даже дети на улице перестали играть с его внуками и присвоили им злые клички.

Дело об анонимках поручили следователю Ильину.

Несколько дней Ильин внимательно и скрупулезно изучал письма. Наконец, он смог ответить сам себе на первые вопросы. Было ясно, что исходят они от одного человека, хотя и написаны разными почерками. Об этом свидетельствовали стиль изложения, употребление определенных слов, обороты речи. Внимание Ильина привлекло еще и то, что этот человек очень хорошо знал Яниса Карловича, его прошлое, семью, товарищей. В письмах сообщались такие факты, которые бывают известны обычно небольшому кругу близких друзей.

Но Янис Карлович даже возмутился, когда Ильин поинтересовался, не подозревает ли он кого-либо из своих знакомых или близких.

— Нет, нет, — горячился он, — у меня нет и не может быть подлеца среди друзей. Вы уж увольте, в этом я вам не помощник.

Снова и снова изучал Ильин письма. Да, их автор ничем не гнушался, чтобы оклеветать Яниса Карловича. Ильин задавал себе вопрос: «Кому это выгодно?» Но ответа пока не было. Друзья и знакомые Яниса Карловича были честными, достойными людьми.

Ильин откладывал в сторону письма и в который раз брался за конверты. Но и они ничего не могли сказать об авторе анонимок. Кроме одной детали. Адреса на них были написаны другой рукой, чем сами письма. Это было интересно, но ничего пока не давало для следствия.

Однажды Ильин во время работы получил письмо от старого друга, с которым вместе учился в юридическом институте. Отложив в сторону анонимки, следователь стал читать письмо. Когда он перевертывал страницу, его взгляд упал на лежащие рядом два конверта — своего письма и анонимного. По привычке, почти машинально, Ильин начал сравнивать их. Внезапно он почувствовал какое-то отступление от обычных правил написания адресов на конверте анонимки. Ильин еще раз перечитал адреса. Вроде все правильно... Ага! Вот: на конверте анонимного письма после фамилии адресата стоит запятая. Может быть, случайно? Он берет остальные конверты. Нет, это не описка. Во всех случаях после фамилии, перед именем и отчеством, стояла запятая: «Иванову, Федору Михайловичу».

Любопытное открытие! Оно указывало на то, что человек, писавший адреса, делал это еще по старым, до-революционным правилам русской грамматики.

Напрашивался вывод — этот человек немолод и хорошо знает правописание. Да и почерк на конвертах специфичен — буквы старательно выведены, с правильным нажимом пера, почти как чистописание в школе. В школе? Может быть, учитель?

Возникла новая версия. Значит, конверты надписывались так тщательно не потому, чтобы скрыть почерк, а по привычке.

Ильин решил проверить эту догадку. Но сразу натолкнулся на неудачу. Янис Карлович решительно заявил, что среди его знакомых нет учителей. Может быть, бывший конторщик? Нет, и такого не было.

Но судя по фактам, приводимым в письмах, человек этот должен быть где-то рядом, совсем рядом. И Ильин поехал в пригородный поселок, где постоянно на даче

жил Янис Карлович с семьей, чтобы установить, кто живет рядом с ним, что это за люди, чем они занимаются. Действовать нужно было осторожно, прямыми расспросами мало что можно узнать. Люди в таких случаях обычно настораживаются и очень неохотно, сдержанно отвечают незнакомому человеку. А для официальных допросов следователь и права, и оснований пока не имел.

Ильин стал интересоваться, не сдает ли кто комнату или угол. Под этим предлогом он зашел в несколько домов, поговорил с хозяевами. Но все безрезультатно. Наконец, ему, кажется, повезло.

В одном из домов, когда Ильин разговаривал с хозяйкой, в комнату вбежала ее дочка, девочка лет девяти.

— Мам, мне сегодня идти заниматься?

— А ты, что же, разве еще в школу не ходила? — поинтересовался следователь.

— Ходила, но я плохо пишу, и мне Глафира Петровна помогает, а мы ей за это молоко носим.

— Глафира Петровна — это старая учительница, она уже на пенсии. Напротив нас, во флигеле живет, — пояснила мать. — Вот я к ней дочку и посылаю подтянуться немножко в учебе. Жить ей тяжело, мы и помогаем, кто чем может.

— Она одинокая?

— Есть у нее сын, но какой-то он непутевый, нигде не работает...

— Мам, — перебила девочка, — а ребята говорят, что он был лесным бандитом.

— Ну-ну, хватит болтать. Иди, да тетрадку не забудь.

Ильин не стал расспрашивать. Комнаты не оказалось, он извинился за беспокойство и ушел. Но слова девочки заставили его насторожиться, и он тут же направился в поселковое отделение милиции.

Начальник отделения подтвердил, что, действительно, во флигеле живет старая учительница с сыном.

— Не нравится мне он, — говорил начальник. — Не хорошее у него прошлое: во время оккупации якшался с фашистами, после освобождения бежал вместе с ними, потом скрывался в лесах, пока не вернулся к матери.

— Его судили?

— Нет. Ему, к сожалению повезло. Он объявился после Указа о помиловании лиц, сотрудничавших с оккупантами.

— Он не работает?

— Первое время служил бухгалтером в промкомбинате, сейчас с полгода не работает. Достал где-то справку, что психически ненормален. А проверить ее, честно говоря, руки не доходят...

Зазвонил телефон. Начальника просили спуститься в дежурную комнату. Он извинился и вышел. В кабинет заглянула уборщица:

— Я вам не помешаю? Мне бы пол подмести.

Ильин молча кивнул и несколько минут наблюдал за женщиной. Потом спросил:

— Вы давно здесь живете?

— Пятьдесят два года, родилась здесь, — словоохотливо ответила та.

— Учительницу Глафиру Петровну знаете?

— Конечно. Она еще до революции приехала сюда. Ребят наших учила. В девушках была прямо красавицей. А жила бедно. Ну, приглянулась она старому Калныню. Изводил он ее всячески, преследовал, чтобы за него шла. Добился своего. В старые времена, знаете, как было жить сироте... Поженились. Она у него второй женой была, первая-то умерла, оставила сына.

— Айвара?

— Его... Бедная, сколько ей пришлось пережить! Сам Калнынь в тридцать девятом году, когда Советская власть пришла, бежал за границу. Айвару тогда лет восемнадцать было, в университете учился, очень гордился отцом. Таким задирой был...

На другой день Ильин еще раз побывал в поселке. Прошелся по улицам, осмотрел флигель, где жила учительница. Рядом с флигелем в глубине сада красовался кирпичный с колоннами дом. В нем размещался поселковый Совет.

На улице играли ребяташки. У одного из них Ильин спросил:

— Ты не знаешь, чей это раньше дом был?

— Да фашиста Калныня...

Вот оно что! Значит, это дом, где раньше жил Айвар с семьей... Но как же письма? Есть ли здесь какая-

ничьей связи? Могла ли старая учительница знать Яниса Карловича? Могла. А не ее ли почерк на конвертах анонимных писем? Может быть, и ее. Тогда какую цель преследовала она? Зачем ей понадобилось клеветать на Яниса Карловича? Нет, пожалуй, здесь что-то не то. Но во всяком случае проверить ее почерк необходимо. Как это лучше сделать? Пойти в районный отдел народного образования и посмотреть личное дело Глафиры Петровны Калнынь? Но как объяснить работникам роно свой интерес к учительнице? Не хотелось бросать тень на старую женщину. А что, если попытаться сделать это через райсобес?

...Предъявив заведующему райсобесом свои документы, Ильин попросил разрешения просмотреть несколько пенсионных дел.

— Меня интересует правильность начисления по этим делам пенсий.

Отобрав несколько дел, среди которых было, конечно, и дело Калнынь, Ильин вместе с инспектором райсобеса направился в роно, чтобы сличить их с делами, хранящимися там. Это было нужно якобы для выверки точного стажа работы.

Едва раскрыв оба дела Калнынь, Ильин понял: он на верном пути. В папках хранилось несколько заявлений от старой учительницы, и все они имели одну и ту же деталь — после фамилии, перед именем и отчеством, стояла запятая. И почерк был тот же, что и на конвертах анонимных писем.

Заявления были изъяты и вместе с конвертами направлены на графическую экспертизу. Ее заключение подтвердило правильность предположения следователя — заявления и адреса на конвертах написаны одной рукой.

...Когда Глафира Петровна пришла к Ильину, он был поражен ее видом. Одетая в поношенное, старомодное платье с традиционным кружевным воротничком, в высоких стоптанных ботинках на пуговках, с выражением грусти на лице, она стояла в дверях кабинета, напоминая персонаж из старинной пьесы.

Очень односложно, как-то скованно отвечала она на первые вопросы и незаметно оглядывалась на дверь, словно боялась, что вот она откроется и что-то страшное предстанет перед ней.

С большим трудом удалось Ильину успокоить ее и расположить к откровенности.

— Я боюсь Айвара, — рассказывала Глафира Петровна. — Всю жизнь его боялась, как и мужа. Айвар помышал мною, как хотел. Когда здесь были немцы, он показал себя с самой омерзительной стороны. Я слышала, что он даже принимал участие в расстрелах. Только это было не в нашем поселке, поэтому тут никто не знает, что он делал во время войны. А когда он жил в лесу, то иногда являлся по ночам домой и грозил мне расправой, если я его выдам. Да и сейчас он держит меня в постоянном страхе. Оружие носит...

Ильин не торопил женщину, не задавал ей вопросов. Пусть она выскажет все, что у нее наболело в душе.

Глафира Петровна рассказала и о дружках Айвара, о тех, с кем он ездит в портовый город, спекулирует тряпьем, выклянченным у иностранцев.

Следователь поинтересовался, кто у них соседи, в каких она с ними отношениях.

— Я мало общаюсь с соседями. У нас много новых жителей поселилось после войны. Вот только Янис Карлович, он с семьей живет рядом. Так я их давно знаю. Его помню еще молодым. Часто в тюрьмах сидел. «Красным» его все звали тогда. Я-то к нему зла не питаю, а вот Айвар за отца и за дом его ненавидит и называет своим вечным врагом.

— Почему?

— Когда установилась Советская власть, Янис Карлович стал нашим депутатом. Он-то и добился, чтобы дом Калныня отдали под школу. Мы с Айваром во флигель переселились. А когда выстроили новую школу, дом передали поселковому Совету. С тех пор Айвар и возненавидел Яниса Карловича.

— А где муж ваш сейчас, не знаете?

— Слышала я, что его свои же и убили. Что-то украл у них или обманул, не знаю.

— Скажите, пожалуйста, Глафира Петровна, вам это не знакомо? — Ильин положил перед учительницей несколько исписанных листков бумаги.

Женщина вынула из старенькой сумочки очки, надела их и, аккуратно осмотрев письма, отрицательно покачала головой:

— Нет, я их первый раз вижу.

— А конверты?

— Мои, — удивленно сказала Глафира Петровна, — как они к вам попали?

— Вот за этим я вас и пригласил. Дело в том, что в этих конвертах пересылались клеветнические письма, которые причинили немало вреда вашему соседу. — Янису Карловичу. Зачем вы надписывали конверты?

— Честное слово, я ничего не знала.. Айвар часто писал письма. Мне он говорил, что хлопочет то о возврате дома, то о работе, то об увеличении мне пенсии. А конверты просил меня надписывать: у меня, мол, почерк разборчивый. И я исполняла его просьбы.. Что же теперь будет со мной? Я заверяю вас... — она заплакала.

Больно было смотреть на эту исстрадавшуюся, запуганную женщину.

— Успокойтесь. Вот вода.

Она отпила несколько глотков, вытерла платочком лицо.

— Вам лично ничто не грозит, — сказал Ильин. — Но вы никому не рассказывайте о нашей беседе. Где сейчас Айвар?

— Уехал, не сказал куда. И с кем — не знаю.

— Не тревожьтесь. Вам больше не придется его бояться. Вас проводить?

— Нет, спасибо. Сама дойду...

Так вот кому понадобилось опорочить Яниса Карловича и, как потом выяснилось, не только его одного.

Вскоре Айвар вместе со своими друзьями был арестован и, конечно, отвечать ему пришлось не только за анонимные письма.

КРИВЫЕ ТРОПЫ

Городской шум постепенно стихал. Погасли рекламные огни в витринах магазинов. Реже встречаются прохожие.

Четверо с красными повязками на рукавах пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Сергей Котов, весело насвистывая, на ходу снял повязку и завернул в переулок... Что такое?

Невдалеке, у слабо освещенных ворот над чем-то склонились трое. При его приближении они вдруг бросились бежать, и Сергей увидел лежащего на тротуаре человека. Карманы его одежды были вывернуты. Нагнулся, быстро осмотрел. Крови нет.

— Стой! — кричал он и бросился за убежавшими.

Он видел, как двое свернули за угол, а один вбежал в подъезд дома. У Сергея был милицейский свисток. Его заливи́стая трель резко оборвала тишину.

Сергей знал, что из этого подъезда есть выход во двор. Он осмотрел один пролет лестницы, другой — никого. Выбежал во двор. За наваленными у стены бочками услышал прерывистое дыхание.

— Выходи! — крикнул Сергей. — Руки вверх! — добавил он на всякий случай, хотя надежда была только на здоровые руки.

С улицы слышались голоса. Сергей с облегчением вздохнул.

— Выходи! — повторил он.

Из-за бочек поднялся высокий парень в темном плаще. Лицо его было скрыто тенью от козырька кепки. Задержанного доставили в отделение милиции.

— Ба! Опять Медяк! — встретил парня в плаще дежурный. — С чем пожаловал?

Парень молчал, уставясь в пол. Теперь его можно было рассмотреть. Высокий, сутуловатый, лет двадцати. Волосы неопределенного цвета, чуть в рыжину, глубоко посаженные глаза, слегка отвисший подбородок.

— У пьяного, говоришь, ничего не взяли? — расспрашивал дежурный парня. — Ну, это мы установим. А кто твои дружки? Те двое?..

Сергей не дождался конца допроса. Его поблагодарили и попросили зайти завтра.

* * *

Небольшой дом на окраине города, зеленый дворик с сиренью. На скамейках сидят несколько человек и с сочувствием слушают пожилую женщину в переднике, на котором устало лежат руки с узловатыми пальцами.

— Одна ведь я его растила. Не пришел муж с войны. Вся надежда была на малого. Вот, думаю, будет Санька мне подмогой на старости лет... А тут что? Пьяный какой-то. Что он помнит? Пропил он получку или потерял. Так при чем здесь мой Санька?

Это жаловалась соседям мать Медяка, прозванного так мальчишками за то, что он слыл как самый заядлый и удачливый игрок в «биту».

— Уж когда школу бросил, а все болтается без дела, — продолжала мать. — Сколько мест переменил! Везде ему нехорошо, не нравится. Тяжело, видите-ли. А работа, она хоть какая, требует труда да любви...

— И впрямь надо за него всем миром взяться, — сказала одна из женщин. — Определить его на завод к Ивану Трофимычу из десятой квартиры, тот живо из него дурь вытряхнет.

— Ты, соседка, не расстраивайся, — поддержала другая. — Так и быть, похлопочем мы. Может и отпустят твоего Саньку.

И Санька-Медяк был взят на поруки жильцами его дома.

* * *

Сегодня дружинникам ремонтного завода предстоит дежурить в парке. На это дежурство идут с охотой. Музыка, аттракционы, танцы — праздничная обстановка. А нарушений все меньше и меньше.

Встретились у входа и, оглядев друг друга, рассмеялись.

— Нарядились, как женихи, — пошутил кто-то.

И верно. На ребят было приятно смотреть. Подтянутые, опрятные, в модных костюмах. А Толька даже причесался на особый манер, с башней волос надо лбом, «по-онегински».

— Ну, пошли? — предложил Сергей.

Обошли парк. Все спокойно. Ребят потянуло к танцевальной площадке, хотя все делали вид, что должны идти туда по обязанности.

И вот сначала один, потом другой пригласили девушек и закружились в вальсе. «А Толька не растерялся», — заметил про себя Сергей, увидев, как тот подошел к хорошенькой девушке в каком-то воздушном платье. Она приветливо улыбнулась, и они вошли в круг.

Вечер был теплый, мягкий. Ласково, приглушенно звучала музыка, причудливо качались тени танцующих пар на светлой стене летнего ресторана.

Сергей заметил, как на танцевальной площадке появилась группа парней в расстегнутых рубашках без галстуков, в наброшенных на плечи пиджаках и неизменных кепочках. И опять этот рыжеватый парень, тот, которого он доставил в милицию. «Как его звали?.. Санька. Санька-Медяк».

Медяк тоже заметил дружинника, цинично сплюнул через угол рта и указал дружкам на Сергея. Те с презрительными улыбочками повернулись в его сторону.

Зазвучала музыка. Один из группы Медяка подошел к девушке, с которой танцевал Толя, и грубо потянул ее за руку. Щеки девушки залил румянец, она отказалась танцевать. Парень выкрикнул что-то оскорбительное, и девушка ударила его по щеке. Подоспевший Толя схватил замахнувшегося парня за кисть руки. А Медяк, расталкивая толпу локтями, уже пробирался к Толе. Дружинники бросились ему наперерез, схватили за полы пиджака. Теперь вся группа Медяка как-то ошетичилась, лица выражали тупую решимость, руки вызывающе были засунуты в карманы. Все напряженно ждали — что же будет?

Вдруг Медяк вскрикнул. Это Сергей ловким приемом

вывернул руку хулигана. На пол упала металлическая бляха. Медяк оказался в окружении дружинников.

— Ну смотри, «законник», ты меня еще вспомнишь! — выкрикнул он, зло озираясь на Сергея.

Толя и его товарищи повели в штаб Медяка и парня, оскорбившего девушку. А она одиноко стояла на площадке и с тревогой озиралась по сторонам. В глазах ее были беспокойство и страх. Сергей подошел к ней.

— Вы одна?.. Разрешите в таком случае проводить вас домой.

Девушка с благодарностью посмотрела на Сергея.

— Спасибо...

Они направились к выходу.

...Возвращаясь домой, Сергей чему-то улыбался. «Наташа! Красивое, очень красивое имя».

* * *

Из дневника Наташи:

«Скоро, скоро скажем: «Прощай школа!» Но решения все еще нет. Что же дальше? Когда я сама определю, кем мне быть? Вот Кира уже давно решила — будет врачом. Даже стетоскоп себе купила и ребятам во дворе делает перевязки. А я? Ничего определенного. То актриса, то учительница... И все это не мои решения. Мама твердит одно: «У тебя все данные. Ты красива. Ты создана для сцены». Но ведь она сама актриса и лучше меня знает, что внешность — далеко не все.

Пожалуй, папа прав, когда отговаривает меня. «Нет в тебе, Наташка, того высокого духа, нет полета, что гребует сцена. Я сам в театре двадцать лет, правда, за рампой, в оркестре, но я знаю, что такое «всепожирающий огонь». Нет его у тебя. Иди ребят учить».

Но мама и слышать не хочет. И папе ее не переспорить, да он и не пытается. Смешные у меня «предки», но добрые, и я их люблю, очень люблю!»

Через несколько дней:

«Предстоит первомайский бал! Хочу быть лучше всех девчонок. Косу уложу в узел, туфли на шпильках одену. А какое же платье? Голубое? Нет, я блондинка, и знатоки говорят, что это не мой цвет. Пойду в фисташковом, только укорочу немножко. А Кирка, наверное, опять в черном будет.

Неужели и Ким придет? Вот противный. Его записочки просто раздражают. И что он пристаёт? Ведь знает, что он мне совсем не нравится.

Витя Соколов — ничего. «Недурен собой», — как говорят девицы в романах. Да и не дурак. Но «рохля», подвига от него не жди. Наверное, бухгалтером будет. Из-за меня в драмкружок записался. Но ему ничего, кроме «кушать подано», так и не дали сыграть. Да он и не смог бы.

А Ким просто противный и наглый. О дружках его и говорить нечего. Шалопай какие-то.

Ой! Трочу время зря, а еще не выучила поэму, которую буду читать на вечере».

* * *

В актовом зале школы с шумом рассаживаются ребята. Гул голосов. Снуют организаторы. Жмутся по углам и к стенкам родители со счастливыми улыбками на лицах. У гимнастической лестницы группа юношей. Это шефы с ремонтного завода, на котором старшеклассники проходят производственное обучение.

Нетерпеливый топот ног, хлопки, а кое-где и свист. За занавесом — торопливый говор, шиканье, суета. «Тише вы! Сейчас начинаем!»

И вот самодеятельный струнный оркестр грянул увертюру из оперы «Руслан и Людмила».

Номер следует за номером. Ребята узнают в артистах своих одноклассников, весело подшучивают над ними.

— Усы-то, усы-то у Витьки сейчас отвалятся!..

— Ну Галка и разрисовала себя! Сушая Солоха!..

На сцене Наташа. Она читает поэму Блока. Хорошо читает! Аплодисменты. Вызов. Наташа читает еще одну маленькую юмореску, которую она вычитала в «Крокодиле». И, уже уходя со сцены, видит в группе шефов Сергея. «Пришел! Из-за нее или только как шеф?»

При первых же звуках вальса Сергей подошел к ней. Они закружились в танце. Какой приятный, радостный вечер!

Но что это Ким так зло смотрит на них? Ах, не хочет она сегодня ни о чем думать! Танцевать, танцевать! Вдруг Ким грубо толкает их.

— А ну, отойди, — бросает он Наташе и наступает на Сергея. — Слушай ты, «законник». Чтоб тебя здесь больше не было. И ее ты оставь. А то...

Сергей решил не поднимать шума здесь, в школе. Это и Наташе может повредить.

«Законник»... Странно. Это слово он уже слышал от Медяка. Какое совпадение! Школьник и Медяк. Значит, они знакомы?

* * *

Из дневника Наташи:

«Я боюсь сказать себе правду. Неужели это так просто? А я думала, что, когда появляется это чувство, человек должен как-то перемениться, он не может быть таким, как раньше. А я? Все, как было... Но я совсем не знаю Сергея. Видела только дважды. Конечно, он не школяр, и в нем что-то есть. Но не думать о нем не могу... Как же он тогда на вечере? Почему не дал отпора Киму? Струсил? Это ужасно! Хотя не побоялся же он тогда в парке. Нет, он хороший. Очень!»

Спустя несколько дней:

«О, эта мама! Как она могла? Стыдно... «Рабочий, говорит, с черными ногтями. Зачем он тебе?» Напрасно я пригласила Сергея к нам. Ведь я знала, что мама многого не понимает. И как она это сказала, с какой брезгливой миной. «Рабочий». Да, рабочий. Это он и такие, как он, делают все, чем она пользуется. А она: «грязные ногти!» И откуда это? «Чтобы его, говорит, больше в доме не было!»

Ну и не надо! Не будет он в ее доме. Не нужен ему ее дом, с этими тряпками и бомбоньерками, с цветочками и шкатулочками. А я буду, буду с ним встречаться».

Еще через день:

«Вчера вместе ходили в библиотеку. Ему нужна была какая-то редкая книга. Его там знают, и он немного важничает. Пожалуй, я в его глазах девчонка. Ошибается. Я еще докажу, что тоже могу быть серьезной и делать большое дело...

Опять виделись. Почему-то он спрашивает о Киме. Смешной. Неужели ревнует? Вот здорово! Говорят, что ревность — доказательство любви. Значит, любит...»

* * *

Вечер. Из кинотеатра вышли Сергей с Наташей. Они еще под впечатлением картины, о чем-то увлеченно спорят и не видят, как за ними следом идут Ким и еще двое.

Едва они свернули за угол, как Ким набросился на Сергея. Началась свалка.

— Беги! — крикнул Наташе Сергей.

Она успела заметить, как к дерущимся подбежал высокий рыжеватый парень. «Опять он?» Наташа бросилась обратно к кинотеатру позвать на помощь, а когда вернулась с милиционером к месту драки, здесь уже никого не было.

Что с Сергеем? Где его искать?..

Но на следующий день он сам явился к Наташе. Две наклейки красовались на его лице.

— Чепуха! — сказал он в ответ на ее расспросы. — Жаль только авторучку и ножик. Подарки. Потерял вчера.

* * *

— Дежурный слушает... Где? На Спасской улице?.. Замки сорвали? Кто сообщил?.. Зинченко? Хорошо, сейчас придут.

Дежурный нажал на рычаг телефона, набрал номер.

— Сотников?.. Подберите группу и на Спасскую улицу, дом 43. Там магазин ограбили. Промтоварный. Звонила заведующая. Организуйте вывод розыскной собаки. Для охраны объекта возьмите дружинников с ремонтного. Это их участок. Вернетесь, доложите начальнику...

Из магазина забрали много ценных вещей — рулоны шерстяных тканей, костюмы, часы. Действовала, очевидно, большая шайка. Собака следа не взяла: все было засыпано каким-то остропахнущим порошком. На замках дверей и кассе отпечатков пальцев посторонних лиц не нашли.

Весть об этом дерзком ограблении быстро облетела город.

* * *

Из дневника Наташи:

«Что-то не ладится у меня с Сергеем. Он сильно изменился. Или это только мне кажется? Вчера рассказала ему, что Ким бросил школу, не дождавшись экзаменов. Огрызнулся: «Наплевать мне на твоего Кима». А ведь Ким не зря сбежал. Это я виновата. Нет, почему виновата? Правильно. Так ему и надо. Глупый какой-то. Как будто меня золотыми часами можно удивить. Выставил нарочно руку, чтобы я видела. А я спросила: «Уж не из того ли магазина эти часы украл?» Чтобы поугаать его, я еще сказала, что сообщу о нем в милицию. Он прямо подскочил от этих слов, а потом убежал и в школу больше не пришел. Девочки набросились на меня: зачем я его обидела. Но вообще-то и правда подозрительно: где взял Ким такие часы?»

Вечер. Грустно. Дождь льет, выйти нельзя. А сегодня еще эти рожи опять на улице встретились. Рыжий все чего-то на меня показывал. Какой гадкий! Что ему надо?»

* * *

— Скорей, скорей сюда! — кричала женщина.

Голос ее в утренней тишине разнесся далеко. Раскрылось несколько окон.

— Ну что ты кричишь на всю улицу, Михайловна? — спросил мужчина со второго этажа.

Женщина, бледная, как полотно, молча показывала рукой на девушку, лежащую на земле в какой-то неестественной позе.

А из ворот домов уже бежали люди.

— Что там?

— Что случилось?

— Батюшки, да никак убита!

— Милицию, милицию скорей зовите! Не трогайте ничего!

Так был обнаружен труп Наташи. Началось следствие.

* * *

— Ну, что нового? — спросил прокурор района следователя Павлушина. — Вы ведь знаете, какой интерес

проявляет общественность к этому делу. Надо действовать активнее.

Павлушин помолчал, и прокурор понял, что у него нет твердого решения, нет уверенности. И неудивительно. Весь стаж работы молодого следователя — полтора года, и такое преступление было единственным в его практике.

— Ну-с, рассказывайте, что вам еще удалось установить?

— Много интересного, Михаил Федорович. Но пока это не улеглось еще в стройную систему. Цепь, как мы обычно говорим, не замкнулась. Я установил, что из парка девушка ушла с Сергеем Котовым, но он это отрицает. Ее ни с кем другим в этот вечер не видели. Кроме того, я нашел в кармане у Котова два трамвайных билета. Удалось определить по номерам, что это маршрут пятого трамвая, который шел в сторону дома девушки, и что номера билетов примерно соответствуют дню убийства. Вот только кондуктора пока не могу допросить: в отпуске она, уехала.

— А Котов что же?

— В том-то и дело, что и поездку на трамвае с Наташей отрицает... И самое главное: на месте происшествия найдены нож со следами крови, авторучка и расческа. Авторучка необычная: колпачок у нее оригинальный, видно, вручную сделан. Так вот, нож и авторучка принадлежат Котову. Он их опознал. Но что удивительно — не может объяснить, как эти предметы оказались рядом с телом девушки.

— А расческа?

— Говорит, что не его.

— Что еще?

— Подруги Наташи рассказали, что в тот день Сергей с ней поссорился. Но он и это отрицает. Вот, как говорится, объективная сторона, факты. А вообще-то Котов ведет себя странно. После того, как я уличил его во лжи, он замкнулся и не делает даже попыток защищаться. «Делайте, — говорит, — что хотите, мне все равно».

— Ваше мнение? — спросил прокурор.

— По-моему, это его работа, хотя мотивы мне не очень ясны. Может, из ревности?.. Дальнейшее покажет.

— Вы его задержали?

— Да. Вот материалы и постановление.

— С арестом мы пока подождем. Пригласите его завтра в прокуратуру, я сам с ним поговорю. А материалы оставьте мне.

Но и в кабинете прокурора Сергей не стал разговорчивее. Больше того, в начале беседы он бросил с вызовом:

— Раз вы так думаете, значит, все правильно, так и было.

Пришлось менять тактику, и Михаил Федорович завел разговор о работе, товарищах, учебе. И тут Сергей как бы стал отходить от избранного им поведения. Отвечал охотнее, без нервозности. Постепенно устанавливалось такое общение беседующих, за которым следует желание обо всем рассказать, что называется, «излить душу».

Вдруг дверь кабинета распахнулась. На пороге стояла мать Наташи.

— Вот он, вот убийца моей девочки! — Она заломила руки, лицо ее покрылось красными пятнами. — Говорила я ей, умоляла, чтоб не ходила с этим сбродом, от таких всего можно ждать. Знаем мы, как бандиты под дружинников рядятся!

Она еще что-то кричала, но в голове у Сергея пронзительно звучали только два слова: «сброд, бандит». Он побледнел, часто и прерывисто задышал.

Женщину с трудом успокоили. Михаил Федорович усадил ее в кресло, а Сергея попросил выйти.

«Бандит, убийца... — думал он, сидя в коридоре. — Она так сказала, она уверена... И они тоже... Все, все уверены! Ну так не добьются они от меня больше ни слова!».

...Следователь, получив санкцию на арест Котова, считал, что дело почти решенное. Оно ему не казалось теперь сложным. Котов молчит, окончательно замкнулся, а вещественные доказательства налицо. И, наконец, экспертиза подтвердила, что на ноже следы крови той же группы, что и у девушки.

* * *

— Тише, товарищи, тише! Слово предоставляется Анатолию Сизову,

К трибуне подходит Толя, товарищ Сергея по дружине.

— Тише! Давай, Сизов, говори.

Но Толя все не начинал. Никак не мог подыскать нужных, самых верных слов.

— Так вот... Не мог Сергей совершить преступление. Не мог. Мы его все знаем...

— Знаем, да видно плохо! — выкрикнули из зала, и это подхлестнуло Толю. Он перестал запинаться.

— Да что вы-то знаете? Мы с ним ни день, ни два бок о бок работали. А сколько в дружине вместе были! Он и учиться всех нас заташил. У него душа честная, наш он человек, наш. Не мог он этого сделать!..

— А улики? — опять послышалось из зала.

— Что улики?.. Бывает, что все вроде так, а на самом деле по-другому...

Толя опять стал запинаться, махнул рукой и пошел на свое место. Да, нелегкая это задача. Многих испугала справка, которую прислал следователь по просьбе комитета комсомола. В ней так все получалось, что вроде бы Сергей виноват. И некоторые говорили: «Нечего тут разглагольствовать да обсуждать. Раз сказали «он» — значит, «он».

Но друзья Сергея не сдавались. Они горячо, до крика защищали его, но кроме заверений, что они хорошо его знают, так ничего и не могли сказать в опровержение фактов, приводимых в справке.

Обстановка на собрании складывалась явно не в пользу Котова. Но тут попросил слова Иван Трофимович — мастер, у которого Сергей работал.

— Вы, молодежь, не горячитесь. Давайте поспокойнее, да поразумнее рассуждать. А криком дела не решишь. Вот тут выступали товарищи Котова, хвалили его. И я скажу: неплохой Сережка человек, работал исправно, учился и дурного за ним вроде ничего не водилось. Не хулиган, не пьяница. Как же вдруг он мог так оступиться, да не оступиться, а прямо в пропасть темную попасть?.. Может, он сейчас в этой темной пропасти и просвета не видит, голосов товарищей не слышит?.. Беда с человеком. И наша забота — помочь во всем разобраться. А сказать, что человек негодяй, никогда не поздно... Не веритс я мне, чтобы так все было. Ведь дело не пьяное, не в драке, тут безрассудства вроде не долж-

но быть. Так за что же человека изничтожить? Это точно знать надо. А никто не знает. И в справке про это толком не прописано. Вот я и предлагаю: давайте всем обществом требовать, чтобы потоньше дело разобрали. Может, кого из Москвы просить приехать, а?

Приутихли ребята, а потом написали длинное, сбивчивое, но искреннее письмо — помогите во всем разобраться.

А на другом собрании — в школе — писалось иное письмо: «...Мы, друзья Наташи, нашей лучшей ученицы и активистки, просим наказать ее убийцу — Котова по всей строгости закона...»

Письма эти встретились. Одно — за Котова, другое — никакой пощады Котову. И за этими письмами — встревоженное биение молодых сердец, требующих истинной справедливости.

* * *

В город приехал следователь Ильин. С чего начать? Павлушин сказал ему, что дело в такой стадии, когда фактически ничего недоказанного не остается.

Но Ильин по опыту знал, что нередко человек находится в плену своих предположений, в которые он поверил, и тогда уже все сомнения для него отпадают сами собой. Такой человек с искренней убежденностью отстаивает свою позицию и нередко даже вводит в заблуждение других.

Анализ... Только тщательный, трезвый, основанный на фактах анализ всех событий этого дела может дать правильный вывод. Не поддаваться первому впечатлению, взвесить все, что против обвинения, именно против.

Итак, самое главное: за что, почему мог Сергей Котов убить Наташу, что за сила могла толкнуть его на этот чудовищный шаг? Ведь Сергей дружил с Наташей, может быть, даже больше... Ссора, о которой говорили подруги? Но, кажется, для серьезной ссоры, бросающей людей в разные стороны, не было оснований. Тогда что же?

Надо постараться не упустить ничего, что сопутствовало жизни двух молодых людей. Ключ в этом.

— Вы всех опросили о знакомых, друзьях, а главное о недругах Сергея и Наташи? — спросил Ильин Павлушина.

— Да, всех. А недругов у них не было, не успели еще обзавестись.

— Обыск в доме Наташи почему не произвели?

— Это еще зачем? Мать с отцом и так травмированы, а вы — обыск! — почти возмутился Павлушин.

— Видите ли, мы должны иногда уметь перешагнуть ради установления истины через наши личные оценки и суждения. И я думаю, что если бы вы родителям девушки тактично объяснили необходимость и полезность обыска для дела, то они поняли бы вас. Сделаем обыск завтра в 10 утра. Приготовьте необходимые документы.

* * *

И вот находка, которую трудно переоценить. Наташин дневник! Но как умело она его спрятала. Мать даже не подозревала о его существовании и, кажется, к лучшему для нее. А то ей пришлось бы пережить еще несколько горьких минут.

Так вот чем жила Наташа, вот что ее тревожило, волновало...

Ильин посмотрел на фотографию Наташи. Красивая девушка. Умные темные глаза. И взгляд такой серьезный, пытливый. Так кто же лишил тебя жизни, милая девушка?..

— А что это за дело об ограблении магазина? — спросил Ильин у Павлушина, закрывая Наташин дневник.

— Да весной еще было. Ограбили промтоварный магазин как раз после завоза товаров, ценностей много унесли.

— Нашли преступников?

— Нет, дело прекратили, никого не удалось разыскать.

* * *

Ильин решил еще раз осмотреть место, где нашли труп Наташи.

Улица была тихой, но не глухой. Дома чередовались с небольшими огородами, часто ничем не огражденными. Напротив дома, у которого обнаружили убитую, был небольшой скверик с пышным кустарником и толями.

«Интересно! — про себя отметил Ильин. — Очень интересно!»

— Послушайте, Николай, — обратился он к Павлушину, — а что, по делу не видно, чтобы труп Наташи был перенесен на улицу?

— Нет. И эксперт, который со мной производил осмотр, это подтвердил.

— Интересно! — уже вслух сказал Ильин. — Понимаете, что странно: ведь напротив дома сквер. Спрашивается, почему же Котов не пригласил Наташу туда и не совершил там убийство? Простое чувство боязни быть застигнутым на месте преступления должно было заставить его именно так и поступить. А то — прямо на улице. Это же нелогично! Ну, допустим, ему было не до рассуждений. Но куда, собственно, торопиться?.. Да, кстати, вы проверили, в какую смену работал в тот день Котов?

— Нет.

— О, это серьезное упущение. Прошу завтра узнать. И еще: к какому часу, примерно, вы и эксперт отнесли момент убийства?

— Эксперт утверждает, и это отражено в его заключении, что убийство было совершено между одиннадцатью и двенадцатью ночи.

— Когда Наташа ушла из парка?

— Подруги сказали, что перед самым его закрытием, около одиннадцати.

— Поехали в парк.

Павлушин с удивлением посмотрел на Ильина, пожал плечами, но ничего не сказал.

И вот они едут на пятом трамвае. Ильин не выпускает часов из рук. Доехали до парка, зашли в ворота и тут же вышли обратно.

Павлушин уже перестал удивляться. Они снова сели на пятый трамвай, и снова Ильин постоянно поглядывал на часы. У сквера сошли.

— Итак, — сказал Ильин, — тридцать четыре минуты, чтобы добраться сюда из парка. Улавливаете? А до завтрашнего дня я уже ждать не могу. Едем на завод.

* * *

— Спасибо, Иван Трофимович, спасибо, что рассказали все, что знали и что думали. — Ильин поднялся. —

Но пока ничего определенного сказать не могу. Значит, Котов работал тогда в ночную смену, с 24 часов... А на работу он не опоздал в ту ночь?

— Нет. Этого с ним никогда не случилось.

— Я вас, Иван Трофимович, попрошу еще вот о чем. Пришлите нам копию табеля прихода рабочих за тот день. До свидания.

И снова трамвай. Павлушин понял ход мыслей старшего товарища, и теперь уже две пары глаз напряженно следят за часами.

Остановка! Время: тридцать восемь минут. Да еще пройти до сквера надо.

— Вот так, Николай, — сказал Ильин, — только одна дорога от парка к скверу и на завод — более часа. Это при условии, что Котов не должен был нигде задерживаться. Где же он взял время?..

Так появилось второе «против» обвинения Котова

— Теперь, кажется, можно и с ним встретиться... — Ильин помолчал. — Давайте завтра в девять.

Он пожал руку Павлушину, и они расстались.

«Интересно, каков этот Сергей Котов? — думал Ильин. — Почему он так себя ведет? Почему молчит, не защищается, если он не виноват? А если виноват — почему не выворачивается, не замечает следы? Попробуем завтра все это узнать».

* * *

— Введите арестованного, — распорядился Ильин.

По дневнику Наташи Сергей должен быть веселым, красивым, мужественным. Но в комнату вошел сутулый, мрачный юноша, которого как будто что-то придавило. Поздоровался, не поднимая головы.

— Садитесь... Курите?.. Сегодня я хочу выяснить только один вопрос...

— Я ни на какие вопросы отвечать не буду. Я уже сказал.

Разговор явно не получался. Сергей подавлен, весь как-то сжался, в глазах искорки отчаяния, недоверия, даже злости.

— Вы понимаете всю серьезность вашего положения? — говорил Ильин. — Вы и только вы можете помочь в установлении истины. И вы — это не только Сер-

гей Котов, один из многих, вы — это еще и комсомол, коллектив, дружина. Прошу вас крепко подумать над этим. А пока до свидания, думаю, до скорого.

Сергея увели.

Ильин взял лист бумаги. Итак, выбор места убийства нелогичен, времени для поездки от парка к скверу, а оттуда на работу не хватает, нет и убедительной причины для убийства. Да и личность — вещь немаловажная. Парень он, видимо, неплохой...

В дверь постучали.

— Товарищ Ильин, вы просили дело об ограблении магазина. Вот оно, — секретарь положила на стол два пухлых тома.

— Ого! Наворочали бумаг и, кажется, все без толку, — усмехнулся Ильин. — Спасибо!

Секретарь вышла, и следовательно углубился в дело.

«Так... Перечень похищенных товаров. Многовато... Трико шерстяное, коричневого цвета — двадцать восемь метров. Жатка черного цвета — двадцать один метр. Костюмы мужские, размер пятьдесят — два, размер сорок шесть — один... Часы золотые мужские наручные — восемь... Часы золотые... Посмотрим дневник Наташи. Часы, часы... У кого из одноклассников она видела золотые часы? Так... — Ильин торопливо перелистывал страницы дневника. — Вот: «Как будто меня золотыми часами можно удивить. Выставил нарочно руку, чтобы я видела». Так это Ким, Ким Воронцов...» — следовательно снял телефонную трубку, набрал номер.

— Николай Иванович, — сказал он Павлушину, — зайдите на минуточку.

Когда тот вошел в кабинет, Ильин спросил:

— Вы не интересовались случайно, куда уехал одноклассник Наташи Ким Воронцов? Помнится, мне говорили о его отъезде.

— Нет, к сожалению...

— Установите, пожалуйста, сегодня же... Вот, смотрите, что в дневнике: «Я еще сказала, что сообщу о нем в милицию. Он прямо подскочил от этих слов, а потом убежал и в школу больше не пришел». Действительно, где мог взять мальчишка золотые часы?.. И еще, Николай Иванович, узнайте все о его семье. Мать, отец, чем они занимаются... Сегодня по плану еще посещение Медяка. Не даст ли это знакомство чего-нибудь для дела?

Дворик был уютным, тихим. В песке возились ребяташки, делали свои извечные куличики.

У калитки дремал пес. Он приподнял морду, облизнулся и затыкал лениво, неохотно. «Ходят тут всякие, тревожат», — как бы хотел выразить он своим лаем.

Из раскрытого окна первого этажа показалась голова Ивана Трофимовича.

— Ба, товарищ Ильин! Вы ко мне?

Ильин растерялся. Никак не ожидал он увидеть здесь старого мастера с ремонтного завода.

— Заходите, заходите! — гостеприимно приглашал Иван Трофимович.

Что ж, делать нечего, и Ильин направился к крыльцу.

Сначала он хотел найти какой-либо предлог для оправдания своего прихода, но потом решил все выложить Ивану Трофимовичу начистоту.

— Меня, Иван Трофимович, вот что сюда привело. Я интересуюсь Александром Звягиным, или Санькой по кличке Медяк.

— Так ведь Санька уж с месяц как уехал отсюда. Совсем. В другой город. А зачем он вам понадобился?

— В какой же город он переехал, Иван Трофимович?

— Не знаю я...

Ильин вздохнул: «И этого нет!»

— Товарищ Ильин, давайте его мать позовем, Анну Павловну.

— Не хотелось бы. Подумает, что ее сыну что-то грозит — и не скажет.

— Ну, тогда я сам все осторожно разузнаю через соседей и вам сообщу.

— Спасибо, Иван Трофимович, договорились. Всего хорошего.

«Что же получается? — размышлял Ильин, возвращаясь в прокуратуру. — Уезжают из города двое и именно те, кого Наташа так отрицательно оценила в дневнике. Что заставило их бежать почти одновременно?»

Павлушин встретил Ильина словами:

— Ким Воронцов уехал к бабушке во Владимир.

— А родители?

— Они недовольны его отъездом. Фактически парень поступил самовольно. Они не отпускали его: пропал аттестат зрелости, а он все-таки уехал. Где-то занял денег на дорогу и уехал. Его отец собирается туда в отпуск...

— Попросите отца зайти к нам.

...— Вы поняли, товарищ Воронцов, как это важно? Ваш сын еще молод, очень молод и не во всем может правильно разобраться. Значит, договорились? — Ильин пожал руку поднимающемуся со стула пожилому человеку в кожаном пальто.

— Да, я непременно его привезу.

* * *

Ким сидел перед следователем. Руки его нервно перебирали пуговицы на пиджаке, на лбу выступили капельки пота.

— Я сам ничего из магазина не брал, не был там даже. Они сказали, чтобы я стоял на углу и свистнул, если кто покажется. Я постоял немного, а потом мне стало страшно, и я убежал.

— А часы? — спросил Ильин.

— Это не мои часы, Медяк мне их дал поносить. «Покрасуйся, — говорит, — а потом и сам заработаешь». Но я уже понял, как «заработаешь». Я очень боялся за всю эту историю. Рассказал Медяку, что Наташа видела часы и хочет заявить в милицию. Я думал, что она все знает от своего... — Ким помялся. — Законника... Сергея Котова. Он ведь дружинник. Медяк припугнул меня и приказал молчать. А через день он повел меня к «своим». Я не хотел идти, но он сказал: «Смотри, дорого поплатиться можешь»... Воды дайте...

— Кто же они — «свои», где это было?

Ким молчал. Руки его дрожали, зубы постукивали о стакан.

— Успокойтесь.

— Я боюсь... Не могу...

Допрос пришлось прервать.

* * *

Небольшой одноэтажный домик затерялся среди новостроек. Кажется, что он никак не дождетсЯ, когда его

снесут. Вокруг домика палисадник и высокий забор, увитый диким виноградом. Жильцов в нем всего четверо: старушка с дочерью — вход слева, продавщица промтоварного магазина с дочуркой пяти лет — вход справа. Старушка присматривала за девочкой, когда мать уходила на работу. И никто из окружающих почти не видел посторонних в этом домике. Разве иногда Люся, так звали продавщицу, отмечала какие-то свои праздники и приглашала гостей.

Старушка посмеивалась: по три-четыре дня рождения в год, по пять-шесть именин. Но она была не словоохотлива и никому об этом не говорила. Да и жалела: «Одинокая ведь бабенка, пусть повеселится». На «половину» Люси она почти не заглядывала, поэтому плохо знала, как та живет. А девочку всегда брала к себе: ей и свое немудреное хозяйство надо вести. Люся хорошо ей платила, и фактически девочка жила у старушки.

Но стала Степановна замечать, что Люся меньше и меньше внимания уделяет дочке, все нарядами своими занимается. И зачастил к ней матрос какой-то, но, видно, не настоящий — ходит в матросской одежде, а на голове берет носит.

«Пусть ходит, — думала Степановна, — может, хорошим отцом Томочке будет. Дай-то бог».

* * *

— Смотри, чтоб незаметно. По одному приходите, к пяти. Люська в вечерней смене. И притащи этого пацана, да зажми ему рот, чтоб не болтал лишнего.

Медяк помял кепку в руке, вытер вспотевшее лицо.

— Не зря ли?

— Цыц, ты! Мне здесь пока лафа и срываться отсюда не собираюсь. Еще ни одно дело не пищит. Пожить можно. Да прихвати чего-нибудь горючего.

Медяк подхватил брошенные ему деньги.

И вот в люсину квартиру около пяти вечера прошмыгнули несколько человек. Озираясь по сторонам, низко надвинув кепки, приподняв воротники.

Показались Медяк с Кимом.

— Жди вон там, за кустами, — сказал Медяк, — я позову. Да не трясись ты, как трясогузка. Чего раскис?

Сказано тебе: все заматано!.. Смотри, не вздумай удрать. Далеко от шефа не уйдешь.

Медяк скрылся за дверь.

...— Говоришь, девка дружинника грозила нас засыпать? — обратился мужчина в тельняшке к Медяку.

— Вроде...

— Ну, дудки! Зови этого.

Ким, подавляя страх, вошел в комнату. Он плохо видел присутствующих, они сидели по углам. Но одного, в тельняшке, он разглядел хорошо и запомнил. Русые бобриком волосы, чуть раскосые темные глаза, мускулистые руки, почти сплошь покрытые татуировкой.

— Здорово, браток, — сказал он Киму, — присаживайся к нашему шалашу. Тут говорят, будто тебя сопилые девчонки запугали. Ну, выкладывай.

«Главный, — промелькнуло в голове у Кима. — Медяк «шефом» его называл». От волнения у него стянуло подбородок, ноги и руки почему-то заломило. «Выберусь ли я отсюда? Если выберусь живой — долой из этого города. Бежать!..»

— Ну, ты, шпана! Ты понял, что я спрашиваю? Учти, ты первым горишь, сопляк, если что. Часы носил? На стреме стоял? Ну и отвечай!.. Мы тебе же добра хотим. Своих мы выручаем, а тому, кто продаст, — глаза его выразительно сверкнули, — амба!.. Что та девка говорила?

— Она сказала, что знает, кто ограбил магазин. — Ким от страха и желания как-то задобрить этого в тельняшке, лишь бы скорей уйти отсюда, приврал. — Она видела у меня часы и сказала, что знает, откуда они. И еще сказала, что заявит в милицию... Она с этим, с дружинником... — Ким покраснел. — От него знает, что выследили нас, она сама сказала, — опять приврал Ким.

«Шеф» поморщился.

— Дурак! Я-то думал что-нибудь и в самом деле важное! Не обкатанный ты еще. Вот тебе и чудится. А ты крестись, да к нам покрепче жмись, — срифмовал «шеф» и засмеялся. Блеснули золотые коронки. — Ну, давай выпьем за знакомство и забудь про эту чепуху. Все. Амба!

Ким с мольбой посматривал на Медяка. «Уйдем скорее», — говорили его глаза. Выпил поданный ему стакан водки. Обожгло внутри, перехватило дыхание.

— Э-э, так с начинающим нельзя. Дай ему соленького.

...Ким почувствовал, как его куда-то положили. Но удивительно: тело не подчинялось, а мозг работал. Он слышал все, что говорил «шеф».

— Слушай, братва. Нас видно и впрямь накололи. Решаем так: ты, Нос, и ты, Косяк, берете дружинника и его девку на себя. Медяк поможет выследить. У него возьмете нож дружинника... Заметано? Да чтобы чисто, без шума...

* * *

Вечер теплый, душный. В кустах сквера шепот: «Здесь она ходит. А он наверняка ее провожать пойдет. Я в парке их видел вместе».

Медяк напряженно смотрит на улицу, дрожит от волнения, спина вся взмокла.

Ночную тишину рассекает дробь каблуков.

— Они, — шипит Медяк и скрывается в тень кустов. Он бросается на газон и закрывает ладонями уши.

...Приглушенный свист, тихий окрик:

— Эй, рыжий! Где ты?

Медяк поднялся.

— Только девчонка была.

Они побежали через сквер.

— Стойте, слушайте, — прошептал Медяк. — У меня есть еще и авторучка законника. А что, если...

— Давай!

Нос догнал их уже за углом.

* * *

— Ну, вот, Котов. Зря вы все это затеяли. Что вас заставило молчать? — спросил Ильин, вручая Сергею копию постановления об освобождении.

Тот сидел красный, на скулах ходили желваки, руки крепко сжимали край стола.

— Понимаете, меня потрясло то, что случилось с Наташей. Я не верил, не хотел верить... И вдруг — арест. Я был ошарашен. Не мог понять, почему именно меня? Неужели подумали на что-то личное... И я решил не говорить ничего о Наташе, о нашей дружбе с ней. Я ведь

не знал, как все произошло, и боялся, как бы не подумали о ней плохо, если я скажу, что мы дружили, встречались тайно... Ее мать была против наших встреч, она почему-то очень невзлюбила меня. И вот получалось, что дочь ее ослушалась, оказалась с человеком, который ночью бросил ее посреди улицы, не довел даже до дома... Я торопился на завод. Как только мы сошли с трамвая, Наташа сказала, чтобы я шел на работу, и я уехал. — Он стукнул кулаком по колену, глухо застонал. — Как все это ужасно!.. Я действительно виноват... — Он опустил голову, помолчал. — А потом этот мой нож, ручка. Я не знал, как они там оказались. Сказать, что я их потерял, — смешно, наивно для человека, оказавшегося в моем положении. Тем более, я раз солгал и видел, что мне уже не верят... Когда услышал от матери Наташи слово «убийца» — я не выдержал. Решил: все, все против меня... А с Наташей мы не ссорились. Это неправда. Просто я вынужден был кое-что от нее скрывать, и она немножко сердилась.

— А что вы должны были скрывать?

— Да как вам сказать... У нас в городе магазин ограбили, много тканей взяли. И вот мы с ребятами около вокзала заметили парня, который продавал целый рулон трико. Но задержать его не сумели. Оченьлюдно было, и он скрылся в толпе. Мы решили взять под контроль несколько мест, где такие типы могли появиться, часто дежурили там. Я одного почти выследил. У них, видно, притон в маленьком домике на окраине. Я покажу, если хотите...

— Спасибо, этот дом нам уже известен.

— Потом арестовали меня...

— Вот вам и следовало бы обо всем этом рассказать.

— Растерялся. Думал, все равно не поверят. — Он поднял глаза на Ильина, тихо спросил: — Вы говорили, у Наташи дневник был?..

— Да-да. Я вам его передам, но позже.

— Спасибо.

— До свидания, Котов. Теперь, надеюсь, вы поняли, что за правду надо бороться, и тогда правда всегда победит.

„АДВОКАТ“

— Посмотрите-ка на это постановление, — сказал мне прокурор Сергеев, когда я вошел к нему в кабинет.

Придерживая роговые очки, он рассматривал какой-то документ.

— И когда суды перестанут либеральничать? Вы только почитайте! — горячился Сергеев, потрясая постановлением. — Вы, конечно, помните это нашумевшее дело о группе молодых парней, совершивших несколько ограблений. Среди них был некто Смирнов. Ну, тот, что бросил ремесленное, а потом бегал с завода на завод. У него еще шрам над бровью. Ждите его к себе на чай! Областной суд изволил сократить ему срок наказания наполовину и освобождает по Ука-

зу об амнистии! И это грабителя! Заметьте, он ведь и двух лет не провел в местах «отдаленных».

Я прочел постановление президиума областного суда об освобождении Смирнова. Да, есть от чего горячиться Сергееву. Я хорошо помнил, как расследовал это дело, и тут же представил себе парня со шрамом, прикрытым неизменной челочкой, развязного, наглого, чуть ли не с гордостью рассказывавшего о своих «похождениях»: «Подумаешь, часы сняли! Захотелось выпить, вот и сняли! Ведь никого же не убили?..» «Нашли хулиганов! Ведь он же первый полез. Ему, видите ли, наши шапки смотреть кино мешали. Ну и поделом ему... Выздоровел ведь? А вы опять — злостное хулиганство!»

И так, почти с претензией на борьбу за справедливость, он рассказал о целой серии подобных «забав». Ни тени раскаяния, ни желания покончить с преступ-

ным прошлым не было у Смирнова ни во время следствия, ни на суде. За что же суд милостив к этому преступнику?

— Ну, так что скажете, Ильин? — перебил мои мысли Сергеев. — Я не прав?

Но меня занимало уже другое.

— Скажите, а почему, собственно, этот документ у вас? Ведь жалобы Смирнова у нас не было, протеста мы тоже не приносили. Почему суд направил постановление нам, в прокуратуру, а не в колонию? Покажите-ка конверт.

— Какой конверт? Никакого конверта не было.

— Как не было? Ведь вы же по почте его получили?

— Нет. Его мать Смирнова принесла. Она сейчас в коридоре.

Сергеев встал и хотел открыть дверь.

— Нет, нет, не спешите, — сказал я, и решил тут же позвонить в народный суд и узнать все о деле Смирнова.

... — Дело Смирнова и других возвратилось к вам из областного суда?.. Да, да, групповое... Никуда не высылалось? Вы не ошибаетесь, девушка? Уточните, пожалуйста, у судьи. Я вам позже позвоню. Или нет, лучше сам к вам сейчас подойду.

— О чем просила вас Смирнова? — обратился я к прокурору.

— Чтобы я поскорей переслал это постановление в колонию, где содержится ее сын.

— Попросите ее зайти к вам попозже или, еще лучше, найдите повод и задержите ее у нас некоторое время. А я — быстро в суд. Вернусь, все обсудим.

Сергеев окинул меня недоумевающим взглядом, но пригласил Смирнову к себе в кабинет.

В суде я убедился в правильности своей догадки. Приговор остался без изменений, дело в президиум областного суда не высылалось и никакого постановления по нему нет. Пожалуй, зря Сергеев ругал суды за либерализм.

Скорей обратно! Только бы застать Смирнову в прокуратуре.

Она была еще там и сидела на диванчике в коридоре.

— Ну-ну? — нетерпеливо спросил Сергеев. — Что вы вдруг забежали?

— Кажется, не напрасно. Можно пригласить Смирнову сюда?

В кабинет вошла пожилая сгорбленная женщина, на лице ее были красные пятна, выдававшие волнение, руки перебирали бахрому на платке.

— Я не понимаю, — заговорила она, — что вам тут неясно? Ведь сказано же: освободить. Вот и освободите. Вы его арестовали, вы и освободить должны. В бумаге так и сказано: с учетом Указа об амнистии — освободить. Или вам этого мало? — все уверенней и настойчивей продолжала она. — А то я жаловаться буду...

— Пелагея Васильевна, — перебил я ее, — скажите, когда и как вы получили этот документ?

— Что значит «когда и как?». Ясное дело, вчера, по почте.

— А конверт у вас не сохранился случайно?

— Зачем он мне? Выбросила.

— А кто жалобу по делу сына писал? Вы сами?

Этот вопрос как-то вспугнул собеседницу. Она настожила. Красные пятна снова заиграли на ее лице.

— Да... то есть нет. Адвокат писал. Я сама малограмотная, не понимаю в этих делах.

— Тот, что защищал вашего сына?

— Нет... Сейчас не помню какой...

— Все это неправда. Вот дело вашего сына, в нем нет ни жалобы, ни постановления, которое вы нам передали. А так не бывает. Расскажите, что за документ вы принесли к нам и где вы его взяли?

Минуту длилось молчание.

— Где?... Адвокат московский дал. Сказал, что взялся он по делу Николая хлопотать и уже добился, что его освободят, — глядя в пол, рассказывала Смирнова.

— Сколько вы ему заплатили за хлопоты?

— Пока только пятьсот... Остальные пятьсот я должна заплатить, когда Николай домой вернется, — все также не глядя на нас, ответила женщина.

— Где вы виделись с этим адвокатом?

— Он домой ко мне пришел...

— А где он сейчас?

— Да внизу дожидается. Сказал: «Идите сами. Вы — мать, на вашу просьбу скорей отзовутся».

Я бросился вниз, но, конечно, там никого не оказалось.

Пришлось разъяснить Пелагее Васильевне, что она стала жертвой мошенника. Женщина заплакала.

— Мне и самой казалось: тут что-то не так. Ведь я на суде была, все слышала, что натворил мой Колька. Но сын он мне... А этот-то каков... На вид представительный, сказался московским адвокатом, и красная книжечка у него есть... Обобрал он меня. И поделом, видно. Не ходи по закоулкам, ходи дорогой столбовой... Виновата я, в обман вас чуть не ввела...

Но не это сейчас волновало меня. Женщина и так сурово наказана. Где мошенник? Кто станет его очередной жертвой? И потом — слишком уж чисто, хотя бы на вид, сработан документ: четкий шрифт, гербовая печать. Это уже посерьезней и поопасней.

— Ну, что ж, — сказал Сергеев, — надо вам этим делом заняться. Я вижу, у вас и планчик в голове готов. А? — Он усмехнулся.

Нет. Плана еще не было. Была лишь задача со многими неизвестными. Смирнова ничего не знала о «московском адвокате», описала лишь его внешность.

* * *

Оживленная площадь большого города. Снуют пешеходы, автомашины, подчиняясь на перекрестках четким движениям палочки регулировщика. Толпа и машины кажутся безликими, только когда к ним не присматриваешься. А приглядишься внимательней — и все уже имеет что-то свое, индивидуальное, особенное.

Вот сквозь толпу пробираются мужчина и женщина. По одежде и некоторой растерянности их можно принять за приезжих. Мужчина держит в руке листок бумаги и смотрит на таблички с номерами домов. Они подходят к дому с вывеской: «Областной суд». Останавливаются, оглядываются по сторонам и идут к табачному ларьку, что стоит невдалеке от подъезда здания.

Женщина берет из рук мужчины бумажку и прячет в сумочку. Все делается молча, как будто они разыгрывают мимическую сцену. Сразу можно было определить, что это муж и жена и что они явились в условленное место и кого-то ждут.

Проходит пять, десять минут, а они все стоят, не сводя глаз с подъезда здания.

Наконец, они заговорили.

— Наверное, проглядели. Может, не здесь стоим? — спросила женщина. — Да ты хорошо ли его запомнил?

— Еще бы! Ведь два раза его видел. Высокий такой, одет в зеленоватый костюм и серое пальто. И адрес он сам мне написал, рассказал, куда прийти. Давай еще подождем.

И снова их взгляды устремились к дверям. Подъезжала одна машина, другая, но того, кого они ждали, все не было.

— Здравствуйте, вы уже здесь?

Супруги вздрогнули от неожиданности и не ответили.

— Сейчас прибудет... Я только узнал, что заседание уже кончилось.

Мужчина в сером пальто, с кожаной папкой в руке кивнул им и важно зашагал к подъезду суда. Тут же к дому подкатила «Волга». Из нее вышел немолодой, грузный человек с толстым портфелем в руке и направился к входной двери.

Мужчина с папкой подошел к нему, они о чем-то поговорили и, посмотрев в сторону ожидавших у табачного ларька, скрылись в подъезде.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал муж. — Видишь, дело-то двигается. Теперь ты поняла, что он действительно знаком с председателем суда?

Не успели они дойти до трамвайной остановки, где должны были ждать мужчину с папкой, как он сам догнал их у перехода улицы.

— Идите сюда, — позвал он.

Они вошли в ворота ближайшего дома.

— Вот вам, товарищ Савельев, обещанное. Все в порядке. Можете убедиться. — Он протянул им лист с напечатанным на машинке текстом и с круглой печатью. — Я говорил вам, что это стоило мне большого труда. Дело запутанное, сложное, и добиться освобождения вашего сына мне было не легко. Сами понимаете.

— Мы, конечно, понимаем и... отблагодарим, — сказала женщина и дернула мужа за рукав. — Ну, что же ты? Давай.

Тот расстегнул пальто, достал из бокового кармана сверток, хотел было его развернуть, но мужчина с папкой остановил его.

— Нет, нет! Что вы! Я вам верю, — он поспешно сунул сверток в карман пиджака. — Желаю успеха. Если что — вы знаете, где меня найти.

Мужчина ушел, а эти двое все еще стояли в подворотне, перечитывая бумагу, ради которой они проделали длинный путь и заплатили большие деньги. Потом женщина бережно сложила ее и завернула в носовой платок.

* * *

Эти щелкающие двери некоторых очень раздражали. И кто выдумал такие двери с двумя створками, открывающимися в обе стороны? Того и гляди створка угодит тебе в лоб. Но эти двери, никогда не остающиеся в покое, точно передавали ритм деятельности центрального городского почтамта.

Сновали служащие в форменной одежде, почтальоны с набитыми сумками; уборщицы, казалось, без конца сыпали опилки на пол. У окошек всегда толпились люди — подавали срочные телеграммы, спрашивали письма «до востребования», проверяли облигации, покупали марки, конверты. И через щелкающие двери нескончаемым потоком шли посетители — туда-сюда, туда-сюда.

Почему-то это было излюбленное место для свиданий. Видимо, потому, что никто не обращал внимания на прохаживающихся и нервно покусывающих губы девушек, на напускное равнодушие парней, якобы чисто случайно тут оказавшихся. Встречались здесь и друзья, товарищи, чтобы перекинуться словом.

У закрытого окошечка № 12 о чем-то оживленно беседуют трое. Двое из них черноволосые, с усиками, в темных костюмах и белых рубашках. Их гортанные голоса перебивали речь третьего — высокого, статного мужчины в зеленоватом костюме.

— Нет, ты скажи точно, дорогой, это верное дело? Мы сегодня летим домой и нам надо знать — да или нет? — с акцентом говорил один из черноволосых, держась за лацкан зеленого пиджака.

— Да имейте же вы терпенье, — с улыбкой отвечал высокий. — Я все время слежу за своим почтовым ящиком. Курьер еще ничего туда не опустил. А я узнал у секретаря, что еще сегодня утром они сдали документ для отправления. Значит, сегодня он и здесь будет. У нас почта работает отлично...

Вдруг лицо его стало серьезным. Он подался вперед, и все трое увидели, как к стенке, где висели индивидуальные почтовые ящики, подошел курьер в форменной одежде, внимательно осмотрел номера и в один из ящиков опустил конверт.

— Спокойнее. Без спешки. Ждите меня здесь.

Темноволосые многозначительно переглянулись, а третий уверенно подошел к ящику, открыл его ключом и изъясил конверт.

Потом все трое вышли через щелкающие двери на улицу. В такси, нанятом ими у почтамта, шофер в смотровое зеркало видел, как тугой сверток, завернутый в газету, перекочевал из портфеля одного из пассажиров в кожаную папку, а конверт из папки перешел в руки владельца портфеля.

Вскоре один из пассажиров, тот, что был с папкой, вышел. Шофер удивился, что никто при этом не сказал ни слова.

* * *

— Товарищ... Ильин, можно... к вам? — задыхаясь спросила Смирнова, открывая дверь в мой кабинет.

— Входите, входите. Что случилось? От кого вы бежали?

— Товарищ Ильин, я только что видела... московского адвоката, — мошенника того... на улице.

— Где? Что же вы его не задержали? — спросил я, но тут же понял нелепость своего вопроса. — Говорите скорей, где вы его видели?.. Нет. Лучше пошли. Расскажите на ходу.

Мы вышли из прокуратуры.

— Заходил он в буфет, что около вокзала, — сказала Смирнова.

— Вы не ошиблись?

— Нет. Я незаметно тоже туда вошла и видела, как он стоял у стойки и что-то покупал.

— Такси!

Мы помчались к вокзалу. В пути Смирнова рассказала мне, что она от вокзала до прокуратуры ехала трамваем, да еще с пересадкой. Я почти не надеялся на успех поисков.

Вот и буфет. Зашли. «Московского адвоката» там не оказалось. Что же предпринять?

— Пелагея Васильевна! Скорее на вокзал! Зайдите в залы, посмотрите у касс. Одним словом, всюду, где могут быть пассажиры. Смотрите внимательнее. Если что — сразу идите в комнату дежурного по вокзалу. Я его предупреджу.

В железнодорожном отделе милиции я описал со слов Смирновой внешность «адвоката» и попросил оказать помощь в его розыске по поездкам. В мое распоряжение выделили пять работников милиции.

Сам я обошел перрон, заглянул в вокзальный ресторан. Не знаю, что меня побудило зайти в комнату для депутатов Верховного Совета, но, открыв дверь, я остолбенел от неожиданности. За столом, перебирая бумаги, сидел гражданин в зеленоватом костюме, серое пальто висело на спинке стула, кожаная папка лежала на диване.

Гражданин заметил мое замешательство. Положение было критическим. А вдруг ошибка? Ведь это комната депутатов. Проверить документы или задержать его здесь нельзя.

Я вошел, сел за соседний стол, стал просматривать газеты. Но было ясно, что тот, в зеленом, не поверил, что я пассажир. Он, как бы невзначай, бросал на меня испытующие взгляды. Потом собрал свои бумаги, положил в папку и принял позу дремлющего: вытянул ноги, сложил руки на груди, прикрыл глаза. Но веки его предательски дрожали, руки подергивались.

Двое мужчин, находившихся в комнате, поднялись и направились к выходу. Тут «спящий» вскочил и бросился к выходу впереди этих двоих. Те остановились и невольно преградили мне дорогу. Выбежав на улицу, я успел заметить, как он спрыгнул с перрона и побежал к находившемуся у соседней платформы пассажирскому поезду.

«Эх, уйдет! Скорей, скорей!» Но вот я с облегчением вздохнул: беглецу преградили дорогу два милиционера.

Так мы задержали «московского адвоката».

Смирнова опознала его, но «адвокат» упрямо утверждал, что он впервые видит эту женщину и «вообще, что все это значит?»

При его обыске ничего, кроме билета до Москвы и 80 рублей, не обнаружили. Папка исчезла, как мы ее ни искали. Паспорт был на имя Василия Гришина.

На допросе Гришин заявил, что в этом городе он проездом, едет в Москву по делу. Командировочного удостоверения у него не было, а рассказать о своем «деле» он отказался.

— Это поручение моего близкого друга, причем интимного характера, и говорить о нем я никому не могу, — спокойно сказал он.

— Почему вы пытались скрыться от меня на вокзале? — спросил я.

— Ничего нет странного. Я задремал. А когда посмотрел на часы, увидел, что опаздываю на поезд. Вот и побежал.

Конечно, все это звучало наивно, но опровергнуть его слова пока было нечем.

В камере хранения на вокзале вещей на имя Гришина не оказалось. Навели справки в гостиницах города, но он там не проживал ни раньше, ни теперь. Я уж начал сомневаться: не ошиблась ли Смирнова? Или, может быть, она выдумала «московского адвоката», и желая сказать правду?

* * *

Сегодня в народном суде приемный день. Секретарь Зина Соловьева подготовилась к приему и в ожидании первого посетителя прошлась по комнате. Ей и судье Нине Александровне придется сидеть еще часа три. Ох, и достается же судье! Город курортный, шумный, вопросов тьма: то с дачниками споры, то что-то пропало в санатории, то мелкое хулиганство. А вчера двух девчонок ребята из дружины привели. «Вот, — говорят, — товарищ судья, просятся к вам за мелкое хулиганство. Посмотрите на их брючки и этих драконов на блузках! Дайте-ка им работенку дней на десять. Пусть в этих брючках улицы пометут. Нечего им наш город своими стилижскими штучками позорить». Долго пришлось Нине Александровне втолковывать ребятам, что тут не суд

должен действовать, а они, комсомольцы. Это им нужно воспитывать хороший вкус у молодежи, а не тащить из-за узких брюк или пятнистой рубашки в суд. Надулись, ушли...

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала Зина.

— Примите пакет. Срочный.

Курьер в фуражке с эмблемой, с яркими петлицами на кителе, протянул Зине большой конверт.

— Здесь распишитесь в получении.

Зина вошла в кабинет судьи.

— Нина Александровна, срочный пакет.

— Давайте.

Судья вскрыла конверт и быстро пробежала глазами документ.

— Зина, дайте мне карточку по делу Хармаца из курортторга. Дело в мае рассматривали.

Просмотрев карточку, Нина Александровна тут же набрала номер телефона городской прокуратуры.

— Геннадий Иванович?.. Загляните, пожалуйста, ко мне на две минуты. Срочное дело. Я бы сама к вам зашла, да сейчас прием посетителей начинается... Хорошо. Жду.

Она повесила трубку и повернулась к Зине.

— Вы получили это по почте?

— Нет, курьер принес.

— Раньше вы видели его?

— Нет, какой-то новенький.

— Если он придет еще раз, сразу же позовите меня.

Зина вышла. Почти тут же в кабинет постучали.

— Войдите... Геннадий Иванович, — обратилась Нина Александровна к вошедшему, — вам и милиции придется срочно заняться вот этим. — Она протянула ему документ. — Это постановление об освобождении Хармаца. Помните, по курортторгу? Здесь его отчество указано неправильно, и обстоятельства дела искажены. Это явная подделка. Дело Хармаца я никуда не выслала, его никто в надзорном порядке не проверял. Понимаете?

* * *

Доказательств мошенничества Гришина очень мало. Уличает его только Смирнова. А почему ей нужно ве-

рить больше, чем Гришину? Скорей наоборот. Она действовала в интересах сына, и она, а не Гришин, представила подложный документ в прокуратуру.

Придется его сегодня освободить — вышли сроки, да еще извиниться, хотя чувствуется, что не тот он человек, за которого себя выдает. Адрес «друга» назвать отказался, почему делал пересадку в нашем городе, тоже не объяснил. Но все это еще не нарушение закона.

С невеселыми мыслями пошел я в милицию, где находился Гришин. Пошел сам, потому что хотелось немного оттянуть его освобождение и еще раз спокойно продумать все «за» и «против».

В милиции я отказался от сопровождающего, и мы с Гришиным направились в прокуратуру, где я должен был оформить его документы. Разговор у нас не клеился. Мне не хотелось отвечать на его назойливые вопросы. И вдруг:

— Василий Сергеевич!

Рядом с нами остановилась женщина. Не отзываясь на окрики, Гришин ускорил шаг. Я был в штатской одежде, поэтому женщина не обратила на меня внимания и снова позвала Гришина.

Вот удача!

— Гражданка, — обратился я к женщине, — вы его знаете?.. Попрошу вас зайти с нами в прокуратуру. Я следователь Ильин, вот мои документы.

...Ольга Ивановна Сомова — так звали женщину — рассказала мне, что Гришин всегда останавливался у нее на квартире по просьбе ее соседа Фальцмана. Но вот уже два дня, как он не заходил, и она не знает, как быть с его вещами.

...В присутствии понятых мы вскрыли чемоданы Гришина. В них оказались штампы, бланки, какие-то металлические коробки, краски, сургуч, типографский шрифт.

За подкладкой чемоданов было несколько сберегательных книжек на предъявителя и фотографий. Вот Гришин на фоне большого загородного дома. А вот он среди участников пикника: на берегу речки полуодетые люди, усевшись в кружок, закусывают. Рядом батарея винных бутылок.

Несколько найденных писем и записей указывали, что он действовал не один.

И Гришину пришлось возвратиться в милицию.

* * *

Вскоре удалось разоблачить всю группу мошенников. Была найдена целая подпольная типография, где печатались подложные документы, в основном об освобождении преступников. А для их сбыта организаторы группы привлекли нескольких проходимцев, которые выискивали легковерных ходатаев по делам своих родственников и одурачивали их.

При обыске у одного из соучастников Гришина нашли форменную фуражку, китель с петлицами и курьерскую сумку. Курьером он никогда не работал. Так вскрылись сцены с курьером на почтамте и в народном суде.

Потерпевшие муж и жена, те, что «хлопотали за сына», опознали среди дружков Гришина и мнимого «председателя суда». С горечью и стыдом эти люди узнали, что явились невольными участниками спектакля, разыгранного мошенниками.

А закончился «спектакль» в зале суда, где преступники получили по заслугам.